371
M-15

доб. 9(4)14
доб. Безмин
и Екатер. Малина

ПРОВЕРЕНО
2001г.

86439 к-х.

Проверен 1950 г.

К. К. Маккавейскій.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ МЕЧТЫ

ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

И

БЕЦКАГО.

Изъ исторіи воспитанія въ Россіи.

86439 к-4

КІЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова. Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.
1904.

371
M15

К. К. Маккавейскій.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ МЕЧТЫ
ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ
И
БЕЦКАГО.

Изъ исторіи воспитанія въ Россіи

КІЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова. Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.
1904.

Печатать дозволяется. 8 мая 1904 г.
Ректоръ Кіевской Духовной Академіи *Епископъ Платонъ*.

Оттискъ изъ журнала «Труды Кіевск. Дух. Академіи». № 5, 1904 г.

Педагогическія мечты Екатерины Великой и Бецкаго.

Изъ исторіи воспитанія въ Россіи [1]).

Блестящій вѣкъ свободнаго просвѣщенія на западѣ. Отраженіе идей его при Екатеринѣ II въ Россіи. Интересъ императрицы къ вопросамъ воспитанія. Главнѣйшія педагогическія положенія Монтэня и Локка, послужившія основою воспитательныхъ стремленій Екатерины. И. И. Бецкій: его «Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества» и другіе уставы и планы. Мечты Екатерины и Бецкаго: основныя идеи ихъ государственной педагогіи. Пути къ осуществленію ихъ въ системѣ Бецкаго: воспитаніе физическое, физико-моральное, моральное и обученіе. Сбылись-ли идеальныя надежды? Критическій анализъ системы и оцѣнка ея значенія.

На пространствѣ всей исторіи трудно найти эпоху болѣе интересную, замѣчательную по смѣлости и оригинальности мысли, чѣмъ XVIII-й вѣкъ и особенно вторая половина его.

„Главная черта, отличающая состояніе человѣческаго разума въ XVIII вѣкѣ, это всеобщность, всеобъемлемость свободнаго изслѣдованія. Религія, политика, чистая философія, общество и человѣкъ, нравственная и вещественная природа—все становится въ одно и то же время предметомъ изученія, сомнѣнія, системы... Движеніе распространяется по всѣмъ направленіямъ“ (Гизо). Общій характеръ этого дви-

[1]) Публичная лекція, прочитанная 16 марта 1904 года.

женія—отвлеченность, созерцательность, а отсюда и головокружительная смѣлость мысли, не сдерживаемой въ своемъ полетѣ никакими фактами, никакою дѣйствительностью. Презирая или ненавидя весь укладъ современной жизни, человѣческій разумъ ставитъ предъ собою грандіозную задачу—пересоздать все существующее, передѣлать учрежденія, обычаи, всѣ порядки жизни, измѣнить, перевоспитать всего человѣка, со всѣмъ его міровоззрѣніемъ. Въ основѣ послѣдняго лежатъ извѣстныя истины религіи и нравственности. И вотъ, философскій разумъ объявляетъ себя заклятымъ врагомъ церкви, христіанства и всякой положительной религіи вообще; отвергаетъ бытіе Бога—міроправителя, безсмертіе души и загробную жизнь. Въ области морали онъ выдвигаетъ подъ флангомъ свободы принципъ эгоистическаго произвола и наслажденія; въ области политической и общественной жизни требуетъ также радикальныхъ реформъ. Таковъ знаменитый вѣкъ свободнаго просвѣщенія, вѣкъ Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ.

Этотъ горячій потокъ философской мысли не могъ не коснуться, конечно, и такой важной области, какъ воспитаніе. Разъ дѣло шло о пересозданіи человѣчества, то нельзя было оставить безъ вниманія естественный ключъ къ этому—отысканіе новыхъ путей воспитанія молодыхъ поколѣній. Тѣ мертвыя, закостенѣлыя, схоластическія формы, въ какія уложилось это дѣло въ средніе вѣка, давно уже вызывали недовольство и горячій протестъ со стороны передовыхъ людей пытливой свободной мысли. Уже Бэконъ своимъ призывомъ замѣнить мудрость Аристотеля изученіемъ живой дѣйствительной природы прокладывалъ дорогу принципу природосообразности и въ педагогической области. Его призывъ сразу нашелъ откликъ у энтузіаста педагогіи неудачника Вольфганга Ратке. Тотъ же принципъ затѣмъ широко разработалъ въ своей величественной „Didactica Magna“ и громадной серіи побочныхъ педагогическихъ руководствъ и

трактатовъ славный славянинъ Янъ Амосъ Коменскій. Параллельно съ этимъ педагогическимъ движеніемъ шло другое. Ѣдкіе сарказмы по адресу современной школы эпикурейца Монтэня и его требованіе отъ воспитанія здороваго физическаго роста питомца и свободнаго развитія въ немъ самостоятельной мысли и воли—были уже тѣми искрами, которыя послѣ и именно во второй половинѣ XVIII вѣка запылали такимъ эффектнымъ огнемъ въ „Эмилѣ“ Руссо. Но еще задолго до появленія „Эмиля“, тѣ-же „Essais“ горячаго француза Монтэня повліяли на педагогическія воззрѣнія великаго англійскаго мыслителя Локка. Популярность его знаменитой теоріи познанія сдѣлала то, что и простая, совсѣмъ не философская книжка его—„Мысли о воспитаніи“, явившаяся уже въ глубокой старости автора, нашла столь же радушный пріемъ и разнесла либеральныя педагогическія идеи во всѣ культурныя государства Европы, расчищая широкій путь идеямъ Руссо.

Все это философское движеніе, могучею волною охватившее западъ, должно было отразиться и у насъ въ Россіи. Какъ только прорублено было знаменитое окно въ Европу, мы съ особеннымъ любопытствомъ стали смотрѣть въ него, стараясь не пропустить ничего, что только появлялось тамъ, за этимъ интереснымъ окномъ. Кстати сказать: много времени прошло съ тѣхъ поръ, а наше отношеніе къ западу, пожалуй, и теперь все то же. Но тотъ періодъ, о которомъ говоримъ мы, XVIII вѣкъ, былъ временемъ особенно горячаго любопытства русскаго человѣка ко всему западному и ревностнѣйшаго слѣпого подражанія ему. Естественно, что результаты должны были скоро обнаружиться и притомъ въ формахъ иногда весьма интересныхъ. На одномъ изъ нихъ я и хочу остановиться. Разумѣю интереснѣйшій педагогическій опытъ, предпринятый у насъ именно подъ этимъ вліяніемъ западнымъ императрицею Екатериною II и И. И. Бецкимъ. Прослѣдить происхожденіе его, проанализировать содержаніе и установить значеніе—такова моя задача.

Блестящая философія свободнаго просвѣщенія встрѣтила у насъ сочувствіе, можно сказать, необычайное, скоро достигнувъ самаго широкаго распространенія въ высшихъ кругахъ русскаго общества. Всѣ сколько-нибудь выдающіяся философскія произведенія, появлявшіяся въ это время на западѣ, сейчасъ овладѣвали вниманіемъ и симпатіями русской интеллигенціи. Такое явленіе, единогласно отмѣчаемое историками, находитъ объясненіе для себя прежде всего въ личности императрицы Екатерины II. Надѣленная живымъ, пытливымъ умомъ и прекрасно образованная, она не могла не увлекаться передовыми идеями запада. Со многими изъ философовъ она была лично знакома и поддерживала постоянную оживленную переписку съ ними. Вольтеръ, Дидро, Д' Аламберъ, Локкъ, Руссо, Монтескье, Лагарпъ и другіе были хорошо извѣстны ей. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ она часто обращалась съ важными вопросами, ища у нихъ руководящихъ указаній для своей широкой правительственной дѣятельности. Естественно, что примѣръ императрицы не могъ остаться безъ подражаній, и вотъ все, что было тогда образованнаго или хотѣвшаго казаться таковымъ, набросилось на западную философскую литературу, наполняя ею свои библіотеки и щеголяя другъ предъ другомъ идеями самаго крайняго отрицательнаго направленія. Поставивъ девизомъ въ этомъ отношеніи полную свободу, которая есть „душа всего на свѣтѣ“, Екатерина съ гордостью заявляла, что сочиненія, запрещенныя даже на западѣ папой и Сорбонной, у насъ находятъ вездѣ широкій просторъ и достигаютъ даже Сибири.

Но нужно ли доказывать, что распространеніе это и усвоеніе передовыхъ идей запада у насъ въ Россіи могло имѣть лишь чисто внѣшній, поверхностный характеръ? То, что на западѣ, при всей кажущейся блестящей новизнѣ своей, являлось въ сущности результатомъ продолжительной работы ума многихъ поколѣній и такимъ образомъ имѣло

прочные, хотя и не всегда ясные, историческіе корни подъ собою, у насъ, на этой громадной „культурной tabula rasa“, не могло найти никакой почвы, никакой подготовки для себя. О глубокомъ усвоеніи новыхъ философскихъ идей поэтому здѣсь странно было бы и думать. Для этого требовалось философское развитіе, во всякомъ случаѣ большой умственный трудъ, направленный къ серьезному изученію новой философской литературы; между тѣмъ у насъ такъ мало было еще образованія и средствъ къ нему. Все, что сдѣлано было въ этомъ отношеніи Петромъ Великимъ, нося узко-утилитарный, профессіональный характеръ, оставалось еще въ жалкомъ, зачаточномъ состояніи. Нечего удивляться поэтому, если для многихъ изъ передовыхъ „интеллигентовъ“ нашихъ, боявшихся прослыть отсталыми, просвѣтительныя идеи запада исчерпывались лишь популярными яркими парадоксами Вольтера и его послѣдователей, облекавшимися при томъ часто въ самыя уродливыя формы. Естественно, что для громаднаго большинства такихъ скороспѣлыхъ вольнодумцевъ нашихъ совсѣмъ не подъ силу было отказаться отъ тѣхъ, вѣками нажитыхъ, своихъ старыхъ русскихъ понятій, которыя всосались въ нихъ съ молокомъ матери и которыя заправляли всѣмъ укладомъ русской жизни—семейной, общественной и государственной. Въ результатѣ должна была получиться, быть можетъ, оригинальная, но совсѣмъ не полезная смѣсь европейскаго съ азіатскимъ, каррикатурныя противорѣчія мысли и жизни, послужившія благодарной темой для современной литературы. А рядомъ съ этою партіею представителей дешеваго каррикатурнаго вольнодумства оставалась во всей неприкосновенности другая, громадная часть русскаго общества—непоколебимыхъ фанатиковъ старины, смотрѣвшихъ не только на новое интелликтуальное движеніе, но и на образованіе вообще, какъ на „богопротивное умствованіе“, и неизмѣнно коснѣвшихъ въ своемъ исконномъ невѣжествѣ, суевѣріи и ханжествѣ...

Но среди передовыхъ идей запада, какъ мы видѣли, не послѣднее мѣсто въ это время занимала и идея новаго раціональнаго воспитанія. Ее поэтому также не могла не замѣтить Екатерина и не заинтересоваться ею.

У Локка она читала, что девять десятыхъ людей тѣмъ, что они представляютъ собою—добрыхъ или злыхъ, полезныхъ или негодныхъ, обязаны воспитанію [1]). И это было совершенно понятно послѣ заявленія того же философа, что въ душѣ человѣческой нѣтъ никакихъ прирожденныхъ идей, и что всѣмъ содержаніемъ своего душевнаго міра человѣкъ обязанъ исключительно опыту [2]). При такомъ значеніи воспитанія, весьма важно дать ему правильную постановку. Впрочемъ, это и не такъ трудно, если только смотрѣть на дѣло просто. „Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ—вотъ краткое, но полное описаніе счастливаго состоянія въ здѣшнемъ мірѣ“, говоритъ Локкъ [3]). Итакъ, нормальное воспитаніе должно стремиться къ тому, чтобы и тѣло и духъ питомца сдѣлать здоровыми. Нельзя развивать преимущественно одну сторону въ ущербъ другой. Нужно „руководить и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, какъ парою лошадей, запряженныхъ въ одну повозку“, острилъ Монтэнь, и горячо рекомендовалъ свою систему закаленія и тѣла и души питомца: „закалите его въ трудѣ, въ перенесеніи холода и вѣтра, солнца..., отучите его отъ изнѣженности въ одеждѣ и снѣ, ѣдѣ и питьи, пріучите его ко всему; пусть онъ не будетъ красавчикомъ и щеголемъ, но здоровымъ и крѣпкимъ мальчикомъ“ [4]). Вслѣдъ за

---

[1]) См. Мысли о воспитаніи Джона Локка. Переводъ П. Вейнберга. СПБ. 1890, стр. 5.

[2]) Хотя послѣдовательнѣе было бы со стороны Локка, при такомъ основномъ положеніи, признать одинаковую зависимость отъ воспитанія не девяти десятыхъ человѣчества, а всѣхъ десяти.

[3]) Мысли о воспитаніи, стр. 5.

[4]) См. Мысли о воспитаніи и обученіи Ф. Рабле и М. Монтэня. Перев. В. Смирнова. М. 1896, стр. 89—90.

нимъ Локкъ, во всеоружіи своихъ медицинскихъ познаній, пишетъ на этотъ счетъ уже цѣлую серію рецептовъ—о не слишкомъ теплой и неузкой одеждѣ, о чистомъ воздухѣ, холодной водѣ для ногъ, о простой здоровой пищѣ, достаточномъ снѣ, жесткой постели и проч. [1]). Такъ же просто и естественно должно быть поставлено и развитіе души питомца. Долой всю эту мертвую схоластическую, ни къ чему не нужную школьную науку, которая, вмѣсто того, чтобы „наполнить“ душу ученика дѣйствительно цѣнными знаніями, лишь „раздуваетъ“ ее чужими сужденіями и взглядами [2]), которые „постоянно кричатъ ученику въ уши, какъ будто льютъ въ воронку“ [3]), и которые, усвояемые лишь памятью, не вліяютъ на разумъ и совѣсть [4]). „Какъ растенія погибаютъ отъ чрезмѣрной сырости, какъ лампы тухнутъ отъ переполненія масломъ, такъ и мозгъ“ отъ такихъ знаній „теряетъ способность разсуждать. Эта тяжесть давитъ его и заставляетъ коснѣть“ [5]). Нужны не эти, нахватанныя у Сенеки, Цицерона и другихъ, готовыя сентенціи и мнѣнія, а самостоятельная мысль, способность правильнаго сужденія [6]). Но еще важнѣе, по мнѣнію Локка, не менѣе Монтэня недовольнаго постановкою учебнаго дѣла и въ его время, воспитать сердце въ добродѣтели. „Я ставлю добродѣтель, говоритъ онъ, первымъ и наиболѣе существеннымъ изъ качествъ, которыми долженъ обладать человѣкъ..., положительно необходимымъ для того, чтобы онъ пользовался уваженіемъ и любовью другихъ и имѣлъ цѣну и значеніе въ собственныхъ глазахъ. Безъ нея, я думаю, онъ не будетъ счастливъ ни въ этомъ, ни въ другомъ мірѣ“ [7]). Итакъ, на первый планъ должна быть

---

[1]) Локкъ, Мысли о воспитаніи, §§ 3—30, стр. 6—29.

[2]) Монтэнь, тамъ же, стр. 57 и 56.

[3]) Тамъ же, стр. 70.

[4]) Тамъ же, стр. 54.

[5]) Тамъ же, стр. 52.

[6]) Тамъ же, стр. 73.

[7]) Локкъ, Мысли о воспитаніи, стр. 153.

выдвинута нравственная область въ воспитаніи. Вѣрнымъ педагогическимъ средствомъ въ ней можетъ служить не обычный путь наказаній, которыя причиняютъ здѣсь лишь непоправимый вредъ, подавляя душевныя силы и создавая „рабскій характеръ“, „слабоумное, жалкое существо“ [1]), а воздѣйствіе на чрезвычайно чуткое въ каждой дѣтской душѣ чувство чести и стыда путемъ похвалъ и порицаній. „Уваженіе и неуваженіе суть самыя могущественныя пружины для души“ [2]). Но самое важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ наглядные примѣры, предлагаемые и поясняемые дѣтямъ. „Добродѣтели и пороки нельзя никакими словами уяснить пониманію дѣтей въ такой степени, какъ это сдѣлаютъ поступки другихъ людей, если вы будете направлять, какъ должно, дѣтское наблюденіе и указывать имъ на ту или другую хорошую или дурную сторону въ поведеніи этихъ лицъ“ [3]). Наконецъ, нельзя оставить безъ вниманія и выработку „пріятной внѣшности и изящныхъ манеръ“ [4]), какому вопросу Локкъ посвятилъ не мало разсужденій въ своихъ „Мысляхъ“.

Такая, повидимому, простая и вмѣстѣ съ тѣмъ по тому времени новая, либеральная постановка проблемъ воспитанія не могла не заинтересовать Екатерину. Это тѣмъ естественнѣе, что вопросъ о воспитаніи, какъ средствѣ сдѣлать девять десятыхъ общества лучшими людьми и гражданами, пріобрѣталъ именно у насъ въ Россіи въ то время особенное жизненное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если на западѣ вопросъ этотъ выдвигала сама жизнь, недовольство ея формами и стремленіе передовыхъ умовъ передѣлать основы ея, то что сказать о русской жизни въ ту эпоху! Грубый, безпочвенный религіозный скептицизмъ, насмѣшливое, кощунственное отношеніе къ

---

[1]) Тамъ же, стр. 42—44.
[2]) Тамъ же, стр. 47.
[3]) Тамъ же, стр. 82—83.
[4]) Монтэнь, стр. 89.

церкви и ея уставамъ, небывалая по своимъ размѣрамъ и формамъ распущенность нравственная, поражающая погоня за роскошью, отсутствіе всякаго пониманія гражданскаго долга, плохо прикрытая внѣшнимъ лоскомъ грубость семейныхъ и общественныхъ отношеній—вотъ характерныя черты русскаго общества въ высшихъ, „культурныхъ“ слояхъ его. Что касается низшихъ классовъ, то здѣсь по всѣмъ направленіямъ еще царили невѣжество, тупость и дикая грубость. Не видѣть всего этого и не понимать нельзя было не только умной и наблюдательной императрицѣ, но и всѣмъ, кто способенъ былъ глубоко и честно взглянуть на вещи. Итакъ, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, такой крайне неприглядной дѣйствительности, съ другой—идеальныхъ педагогическихъ стремленій западныхъ мыслителей и особенно Локка, котораго она знала, по словамъ Сумарокова, наизусть, императрица и рѣшила испробовать силу воспитанія на практикѣ у себя въ Россіи: путемъ новаго идеальнаго воспитанія создать новое прекрасное поколѣніе. Впрочемъ, въ этомъ стремленіи своемъ она не была одинока. Можетъ быть, даже иниціатива въ этомъ отношеніи принадлежала не ей самой, а тому гуманнѣйшему идеалисту, который въ эту мечту, можно сказать, вложилъ всю свою душу. Разумѣю Ивана Ивановича Бецкаго.

Богато надѣленный отъ природы силами ума и сердца, прекрасно воспитанный и образованный, очень много путешествовавшій и наблюдавшій бытъ и нравы въ различныхъ государствахъ западной Европы, человѣкъ широкихъ филантропическихъ стремленій, высокаго изящнаго вкуса и мягкой любящей души, И. И. Бецкій по воцареніи Екатерины сразу занялъ возлѣ нея самое близкое мѣсто. На него указывала своей дочери принцесса Ангальтъ-Цербская, какъ на человѣка выдающихся душевныхъ качествъ; скоро императрица имѣла возможность и сама вполнѣ убѣдиться въ этомъ. Приблизивъ къ себѣ Бецкаго въ качествѣ домашняго чтеца, Ека-

терина вмѣстѣ съ нимъ увлекалась всѣмъ, что появлялось новаго и интереснаго въ философской литературѣ запада; прочитанное подвергалось совмѣстному же обсужденію, а это давало возможность Бецкому выказать предъ императрицей свой умъ, свои познанія, а главное—свои взгляды и идеальныя филантропическія стремленія. Понявъ и оцѣнивъ послѣднія, Екатерина скоро отгадала ту область, въ которой они могли бы найти практическое осуществленіе для себя. Чтеніе и обсужденіе сочиненій, между прочимъ, на педагогическія темы естественно выдвигали вопросъ о постановкѣ общественнаго воспитанія у насъ въ Россіи, о необходимости коренныхъ реформъ въ немъ; и вотъ здѣсь то, среди горячихъ идеальныхъ стремленій къ насажденію возможно большаго счастія въ Россіи, стремленій, которыми одинаково были проникнуты и молодая императрица и уже почти старикъ, но съ душею юноши, Бецкій, и возникъ грандіозный государственный планъ, похожій на поэтическую мечту: создать путемъ воспитанія „новое порожденіе“—новыхъ идеальныхъ людей въ Россіи.

Принципы и руководящія идеи, выработанные совмѣстно съ императрицею, Бецкій, по ея порученію, изложилъ въ своемъ „Генеральномъ учрежденіи о воспитаніи обоего пола юношества“, которое 12 марта 1764 года, утвержденное Екатериною, получило силу закона. Частнѣйшее раскрытіе и практическое примѣненіе эти основныя педагогическія положенія нашли въ цѣломъ рядѣ „плановъ“, „уставовъ“ и „учрежденій“, скоро представленныхъ Бецкимъ государынѣ и также одобренныхъ и утвержденныхъ ею. Такъ, еще въ 1763 г. 10 іюня имъ былъ представленъ и тогда же конфирмованъ „Генеральной планъ воспитательнаго дому для приносныхъ дѣтей и гошпиталя для бѣдныхъ родильницъ въ Москвѣ“ [1]), въ 1764 г.—„Уставъ воспитанія благородныхъ

[1]) Вмѣстѣ съ Бецкимъ надъ составленіемъ этого „Плана“ работалъ также интересовавшійся вопросами современнаго воспитанія профессоръ Московскаго университета Барсовъ.

дѣтей“ (утвержденный 5 мая) и „Уставъ воспитательнаго училища при Академіи Художествъ“ (утвержденный 4 ноября), въ 1765 г.—„Учрежденіе особливаго училища при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ Монастырѣ для воспитанія малолѣтнихъ дѣвушекъ“ (утверждено 31 января), въ 1766 г.—„Уставъ Шляхетнаго сухопутнаго Кадетскаго Корпуса“ (утвержд. 11 сентября) и „Краткое наставленіе, выбранное изъ лучшихъ авторовъ, съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія ихъ до юношества“ (утвержд. 16 ноября), въ 1772 году—„Планъ воспитательнаго училища изъ купеческихъ дѣтей для коммерціи“ (утвержд. 6 декабря). Эти планы и уставы Бецкаго вмѣстѣ съ относящимися сюда другими документами въ 1774 году были изданы подъ однимъ общимъ заглавіемъ: „Учрежденія и уставы, касающіеся до воспитанія и обученія юношества въ Россіи обоего пола“ [1]).

---

[1]) У насъ подъ руками: 1) „Учрежденіе Императорскаго Воспитательнаго Дома для приносныхъ дѣтей и гошпиталя для бѣдныхъ родильницъ въ столичномъ городѣ Москвѣ. Печатано въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1763 года“. 2) То же, изданіе второе, 1767 года, въ трехъ частяхъ, значительно дополненное. Здѣсь напечатаны вторая и третья части „Генеральнаго плана Императорскаго Московскаго Воспитательнаго Дома и госпиталя“, которыхъ нѣтъ въ первомъ изданіи, кромѣ того—„Прибавленіе къ изданію трехъ частей Генеральнаго плана“... (1768 г.) и „Краткое наставленіе, выбранное изъ лучшихъ авторовъ съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія ихъ до юношества“ (1766 г.). 3) „Собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества съ прочими въ пользу общества установленіями. Т. I. СПБ. 1789“. Вторымъ томомъ къ нему служитъ „Собраніе разныхъ извѣстій Императорскаго Воспитательнаго Дома касательно ссудной и сохранной казенъ. Изданіе къ удовольствію общества служащее.., СПБ. 1791“. Третій томъ составляетъ „Изданіе Императорскаго Воспитательнаго Дома къ пользѣ общества служащее. СПБ. 1791“. Для насъ интересенъ только первый томъ, въ которомъ напечатаны, кромѣ изданнаго до 1768 года, весьма важныя для насъ—„Предварительное объясненіе предметовъ Воспитательнаго Дома“, „Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества“ и „Планъ киммерческаго воспитательнаго училища“. Въ своихъ выдержкахъ и цитатахъ мы ставимъ страницы по этому изданію.

Какія же идеи были положены въ основу этой педагогіи?

„Одинъ только украшенный или просвѣщенный науками *разумъ*, писалъ Бецкій, не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина: но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, есть ли кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ *воспитанъ не въ добродѣтеляхъ*, и твердо оныя въ сердце его не вкоренены". Доказательства тому на лицо. Со времени Петра Великаго въ Россіи не мало было потрачено средствъ на дѣло образованія: были основаны школы; посылалось россійское юношество для обученія и за границу. Однако ничего добраго отъ этого не получилось. Почему? не по недостатку въ русскомъ народѣ способностей „къ наукамъ и художествамъ", а потому, что взяты были „непрямые пути" къ цѣли; именно—оставлено было въ пренебреженіи, при образованіи ума науками, воспитаніе сердца въ добродѣтеляхъ. „Посему ясно, что корень всему злу и добру *воспитаніе* [1])".

При такомъ значеніи воспитанія, именно его, а не образованіе и нужно насадить въ Россіи. Но какъ, какими путями и средствами? Есть одно средство для этого: „произвести сперва способомъ *воспитанія*, такъ сказать, *новую породу*, или *новыхъ отцовъ и матерей*, которые передадутъ тѣ же добрыя начала своимъ дѣтямъ, эти—своимъ, и такъ изъ родовъ въ роды, въ будущіе вѣки" [2]).

Заботу объ этомъ должно взять на себя государство, а не общество—это „старое порожденіе", совершенно неспособное къ такому дѣлу. Мало того: общественная и даже семейная среда, какъ совершенно несостоятельная въ нравственномъ отношеніи, нравственно больная, разлагающаяся,

---

[1]) Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества. Собр. учрежд. и предпис., т. I, стр. 3—5.

[2]) Тамъ же, стр. 5. Сравн. стр. 89—90.

должна быть совершенно устранена при воспитаніи идеальной „новой породы“, какъ безусловно вредная для него. Поэтому цѣль можетъ быть достигнута только въ особыхъ государственныхъ „воспитательныхъ училищахъ“, созданныхъ на началахъ строжайшаго интерната, полнаго изолированія питомцевъ отъ всѣхъ вліяній семьи и общества, „такъ что и самые ближніе сродники, хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенные дни, но не инако, какъ въ самомъ училищѣ и то въ присутствіи ихъ начальниковъ [1])“.

Наконецъ, такъ какъ „начинаетъ дитя приходить въ познаніе изъ невѣдѣнія“ въ очень раннемъ возрастѣ, по прошествіи котораго уже нельзя исправить въ немъ „худой нравъ“, то именно въ этомъ возрастѣ, когда душа ребенка отличается еще чистотою, и нужно помѣстить дѣтей въ „воспитальныя училища“,—„отнюдь не старѣе какъ по пятому и по шестому году“. Съ этого возраста они должны оставаться здѣсь безвыходно до 18—20 лѣтъ [2]).

Итакъ, созданіе новой идеальной породы русскихъ людей въ особыхъ для этой цѣли приспособленныхъ искусственныхъ лабораторіяхъ—въ совершенно изолированныхъ отъ всѣхъ общественныхъ вліяній государственныхъ интернатахъ, въ которыхъ должны быть заключены безвыходно будущіе идеальные люди отъ пятилѣтняго до двадцатилѣтняго возраста,—такова основная идея педагогическихъ предпріятій Екатерины и Бецкаго [3]). Для осуществленія ея очень скоро

---

[1]) Тамъ же, стр. 6. „Ибо неоспоримо, что частое съ людьми безъ разбору обхожденіе внѣ и внутри онаго весьма вредительно, а наипаче во время воспитанія такого юношества, которое долженствуетъ непрестанно взирать на подаваемые примѣры и образцы добродѣтелей“.

[2]) Тамъ же.

[3]) Имѣлась при этомъ въ виду, между прочимъ, еще и такая цѣль: путемъ такого воспитанія и нѣкоторыхъ правъ, соединенныхъ съ нимъ для дѣтей недворянскаго происхожденія, положить начало у насъ тому третьему или среднему сословію, которое на западѣ давно уже достигло развитія и процвѣтанія

была открыта цѣлая серія интернатовъ мужескихъ и женскихъ. Послѣдніе являлись столь же необходимыми, какъ и первые, разъ преслѣдовалась грандіозная цѣль создать „новое порожденіе“. „Съ такимъ же крайнимъ раченіемъ и порядкомъ, писалъ Бецкій, какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ воспитываемъ быть имѣетъ. Пренебреженіе женскаго не меньше было-бы несправедливо, сколь и неблагоразумно и вредно [1])“ Именно женщиной полагается первый краеугольный камень въ созиданіи жизни общества, потому что она даетъ первое воспитаніе новому поколѣнію. Поэтому ея собственное развитіе, ея характеръ и направленіе ея духовныхъ силъ, все это естественно отражается и на тѣхъ, кто ввѣряется ей отъ колыбели [2]). Такое значеніе женщины побуждало Бецкаго и Екатерину обратить особенное вниманіе на ея воспитаніе въ Россіи. И вотъ, вмѣстѣ съ мужскими открываются (впервые у насъ) и женскія „воспитательныя

и было очень полезнымъ элементомъ въ государствѣ. „Въ чужихъ государствахъ *третій чинъ* народа, заведенный уже за нѣсколько вѣковъ, продолжается изъ рода въ родъ. Но какъ здѣсь сей чинъ еще не находится, то мнится въ ономъ и нужда состоитъ. Слѣдовательно пріуготовить основаніе сего чина... Того для слѣдовать должно предписанному здѣсь наставленію“... Генерал. пл., ч. Ш, стр. 199.

[1]) См „Предувѣдомленіе“ къ Генер. плану, стр. 88.

[2]) „Чаять надобно, писалъ Бецкій, что не сыщется такой, кто бы толь далеко отступилъ отъ здраваго разума, кому бы нечувствительно было благоденствіе рода человѣческаго, и кто бы не желалъ, дабы всѣ дѣвушки не только обучались читать и писать, но имѣли бы и разумъ просвѣщенный различными знаніями... Будучи матерями лучше и разсудительнѣе воспитаютъ своихъ и чужихъ ввѣренныхъ имъ дѣтей...; будучи кормилицами или нянъками..., не помрачатъ ихъ пустыми разсказами, страшными повѣстьми о привидѣніяхъ, о превращеніяхъ, о колдовствахъ, о непреодолимой силѣ дьявольской и проч. Напротивъ того, разговоры ихъ будутъ подражанія достойны, страсти обузданы, обхожденіе пріятно и человѣколюбія исполнено“. Генерал. пл. Ч. Ш, гл. VI, стр. 228. Къ заботамъ о женскомъ образованіи должно побуждать насъ, кромѣ того, и естественное чувство благодарности за все, что дѣлается для насъ въ дѣтствѣ женщиною. Тамъ же, стр. 225.

училища“ и притомъ, соотвѣтственно идеѣ образованія третьяго сословія, не для однихъ только дворянскихъ дѣтей, а и для низшихъ классовъ. Такъ въ 1763 г. былъ открытъ въ Москвѣ первый воспитательный домъ для несчастныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей, печальная участь которыхъ особенно трогала любящую душу Бецкаго [1]). Въ слѣдующемъ году были основаны—воспитательное училище при Академіи Художествъ для малолѣтнихъ дѣтей всѣхъ сословій, кромѣ крѣпостного, и главнымъ образомъ для мѣщанъ, Екатерининское училище въ Москвѣ и Институтъ для благородныхъ дѣвицъ при Воскресенскомъ (Смольномъ) монастырѣ, а чрезъ годъ—при немъ отдѣленіе для дѣвицъ мѣщанскаго сословія. Въ томъ же году преобразуется соотвѣтственно идеямъ Бецкаго шляхетный кадетскій корпусъ. Въ 1770 году открывается воспитательный домъ для приносимыхъ дѣтей, подобный Московскому, въ Петербургѣ, въ 1772 году—коммерческое училище въ Москвѣ. Какъ видимъ, въ теченіе десяти лѣтъ постепенно возникаетъ въ нашихъ столицахъ цѣлый рядъ воспитательныхъ интернатовъ, въ которыхъ педагогическія мечты Екатерины и Бецкаго должны были получить свое практическое осуществленіе тѣмъ болѣе, что главный общій надзоръ надъ ними былъ порученъ государыней самому же Бецкому.

Что же оказалось: сбылись ли тѣ горячія надежды и идеальныя стремленія, которыя руководили нашими педаго-

---

[1]) „Я разумѣю тѣхъ невинныхъ дѣтей, писалъ Бецкій въ своемъ представленіи Государынѣ отъ 10 іюня 1763 г.,—которыхъ злощастныя, а иногда и безчеловѣчныя матери покидаютъ, оставляютъ (или что злѣе) и умерщвляютъ“. См. „Учрежденіе императорскаго воспитательнаго для приносныхъ дѣтей дома“, стр. 60. Монархиня „собственнымъ своимъ побужденіемъ чрезъ сіи учрежденія (т. е. воспитат. дома) предпріяла самые пороки перемѣнить въ источникъ добродѣтелей, и отъ непорядочной жизни заблужденныхъ сердецъ щастливые и похвальные плоды произвесть къ очевидной пользѣ вѣрноподданнаго своего народа и къ вѣчно достойному имени своего во всей подсолнечной прославленію“. „Предувѣдомленіе“ къ Генерал. пл., стр. 99—100.

гами и лежали въ основѣ всей этой интересной государственно - воспитательной дѣятельности ихъ?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, заглянемъ въ самую педагогическую систему ихъ, чтобы уяснить себѣ — во-первыхъ, къ чему именно направлялась она, т. е. въ какихъ чертахъ представлялась Екатеринѣ и Бецкому та идеальная „новая порода“, создать которую они стремились, и во-вторыхъ, какими педагогическими средствами разсчитывали они достичь своей цѣли.

„Ваше Императорское Величество хощете, писалъ Бецкій въ докладѣ Екатеринѣ при своемъ „Генеральномъ планѣ“,— чтобъ съ изящнымъ разумомъ изящнѣйшее еще соединялося сердце; ибо качество разума не занимаетъ первой степени въ достоинствахъ человѣческихъ, украшаетъ оныя, а не составляетъ“ [1]). Эти двѣ стороны въ душѣ питомцевъ, по мысли государственной педагогіи, должны быть такъ воспитаны, чтобы въ результатѣ получились добрые христіане и полезные граждане: „составить въ нихъ разумъ и сердце такъ, чтобъ они не только сами себѣ полезны, но и добрыми *христіанами* и вѣрными *гражданами* были“ [2]). Частнѣе этотъ идеадъ опредѣляется такими чертами: „первое прилагать должно стараніе, чтобъ вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце въ похвальныхъ склонностяхъ..., возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбію..., научать пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастныхъ, обучать домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ..., вкоренять въ нихъ склонности къ опрятности и чистотѣ...; однимъ словомъ всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ..., которыми въ

---

[1]) Генеральнаго плана Московскаго воспитательнаго для приносныхъ младенцевъ дома, часть II, стр. 159.

[2]) Генер. плана, ч. III, гл. XII, стр. 267.

свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ“ [1]). Въ числѣ непремѣнныхъ условій для этого ставится также физическое здоровье, крѣпость тѣла, а равно и веселость духа. Поэтому рекомендуется въ воспитательныхъ домахъ наблюдать за всѣмъ, „что къ жизни, цѣлости здравія и крѣпости сложенія служить можетъ“, а для воспитанія бодраго веселаго характера практиковать „всякія невинныя забавы и игры“ и удалять „все то, что токмо скукою, задумчивостію и прискорбіемъ назваться можетъ“. Пожалуй, въ тѣхъ же цѣляхъ, во всякомъ случаѣ въ полномъ согласіи съ ними предписывается широкая свобода въ области обученія „наукамъ и художествамъ“: воспитанниковъ въ этомъ отношеніи нужно предоставить всецѣло ихъ личнымъ расположеніямъ, выбору и охотѣ, „ибо давно доказано, что не предъуспѣетъ онъ ни въ чемъ томъ, чему будетъ прилежать по неволѣ, а не по своему желанію“ [2]).

Въ этомъ идеалѣ, создавшемся подъ несомнѣннымъ вліяніемъ западнымъ, и именно Монтэня и Локка, какъ видимъ, ярко выступаетъ на первый планъ моральная сторона, сравнительно съ которою область ума, сфера интеллектуальная представляется обрисованною слабо, какъ бы остающеюся въ тѣни. Даже вопросу о физической крѣпости посвящено больше вниманія, нежели ей. На основаніи этой программы трудно сказать, въ чемъ же именно долженъ былъ выражаться тотъ „*изящный* разумъ“, который ставится въ числѣ desiderata этой педагогики. Можно подумать даже, что достоинства его опредѣлялись лишь „пристойнымъ въ дѣлахъ и разговорахъ поведеніемъ, учтивостью и благопристойностью“. Во всякомъ случаѣ, *нравственный* идеалъ,

---

[1]) Генеральное учрежденіе о воспитаніи, стр. 7—8.

[2]) Тамъ же, стр. 9.

86439

начертанный Бецкимъ и Екатериною, по своей высотѣ заслуживаетъ полнаго уваженія. Стремясь видѣть въ Россіи „прямыхъ *гражданъ*“, полезныхъ членовъ общества, педагоги наши необходимымъ условіемъ для этого считаютъ воспитаніе хорошихъ честныхъ *людей*. Весьма характерными въ этомъ отношеніи представляются слова Бецкаго въ публичной рѣчи его, читанной 14 января 1769 года въ Академіи Художествъ. Здѣсь онъ говоритъ, что императрица великодушіемъ своимъ и щедротами насаждаетъ „воспитаніе столь отмѣнное, которое ...составляетъ людей въ обществѣ отличныхъ, согражданъ почтенныхъ, подданныхъ Государю вѣрныхъ и сыновъ Отечества полезныхъ“... Отрадно видѣть плоды этого воспитанія; но первый между ними—это стремленіе „*быть честнымъ человѣкомъ*. До сего то драгоцѣннаго дара, до сего то предмета стремиться должно, безъ чего всѣ прочія пріобрѣтенія, какого бы званія ни были, суетны и безполезны“ [1]). Такимъ образомъ, ставя идеаломъ образованіе полезныхъ сыновъ отечеству и слугъ государю,—что было совершенно естественно для педагогіи государственной,—Екатерина и Бецкій въ основѣ своего идеала полагаютъ высокія черты общечеловѣческія [2]).

Но какими же средствами этотъ высокій идеалъ рѣшено было осуществить?

Слѣдуя Монтэню и Локку, видвинувшимъ значеніе *физическаго* воспитанія не только самого по себѣ, но и въ цѣляхъ правильнаго развитія души питомца, Бецкій отводитъ ему

---

[1]) См. Матерьялы для біографіи П. И. Бецкаго. Журналъ М. Н. Пр. 1853 г. Ч. LXXVII, стр. 23.

[2]) „Къ чему бы и съ какою быстротой онъ (воспитанникъ) ни былъ произведенъ, писалъ Бецкій, художникъ ли, ученый ли, или что-нибудь другое, не имѣя *души возвышенной благонравіемъ*, рождающимъ благородныя мысли и чувствованія, никогда въ своемъ искусствѣ не можетъ дойти до превосходства отличныхъ людей; а есть ли какимъ чудеснымъ образомъ и достигнетъ, что въ талантахъ, когда *человѣка* нѣтъ“. Предварит. объясн., стр. XVII—XVIII.

широкое мѣсто и въ своей системѣ [1]). Глубоко заинтересованный этою стороною дѣла, онъ, какъ самъ выражается, „выбираетъ изъ лучшихъ авторовъ“, но главнымъ образомъ у Локка, указанія, которыя считаетъ полезными для правильной постановки физическаго воспитанія и, дополнивъ ихъ совѣтами доктора Саншеса, создаетъ свое спеціальное руководство по этому предмету. Такъ появилось въ своемъ родѣ знаменитое у насъ „Краткое наставленіе, выбранное изъ лучшихъ авторовъ, съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія ихъ до юношества“, разосланное въ 1766 году по указу императрицы, съ цѣлью популяризовать его, по всѣмъ городамъ Россіи. Имѣя въ виду воспитательные дома для самыхъ маленькихъ „приносныхъ“ дѣтей, Бецкій ставитъ программу „физическихъ примѣчаній“ очень широко, включая въ нее и возрастъ до пяти лѣтъ, при чемъ раздѣляетъ его на два періода—до и послѣ отнятія отъ груди. Съ 5—6 лѣтъ до 10—12—опредѣляется у него третій періодъ, и наконецъ до 15—16 лѣтъ четвертый. Изъ 120 совѣтовъ и наставленій, то краткихъ, то болѣе пространныхъ, подробнѣе анализирующихъ извѣстный вопросъ, такіе вопросы, какъ о пищѣ, одеждѣ, воздухѣ, снѣ, движеніяхъ являются общими для всѣхъ четырехъ періодовъ. Въ добавленіе къ нимъ даются указанія, вызываемыя уже спеціальными потребностями того или другого возраста. Кромѣ того, въ программу вводятся и такіе вопросы, какъ о спокойствіи духа, ученіи, наказаніи, страстяхъ, четырехъ темпераментахъ и нѣкоторые другіе, которымъ, казалось бы,

---

[1]) Значеніе правильнаго физическаго развитія онъ понимаетъ такъ же широко, какъ Монтэнь и Локкъ. „Испытано уже, пишетъ онъ, чѣмъ крѣпче и сильнѣе тѣло, тѣмъ большій успѣхъ *въ нравоученіи и въ наставленіяхъ*. Страсти *душевныя* никогда такъ сильно дѣйствовать не будутъ; слѣдовательно, чѣмъ больше удается дѣлать питомцевъ здоровыми, тѣмъ удобнѣе истинная произойдетъ польза“. Генер. планъ, ч. III, гл. XII, стр. 268—269.

мѣсто должно быть въ системѣ нравственнаго или интеллектуальнаго воспитанія. Но авторъ разсматриваетъ ихъ съ точки зрѣнія именно физическаго воспитанія, поскольку правильное рѣшеніе ихъ должно стоять въ связи съ вопросами правильнаго физическаго развитія питомца. Поэтому такая постановка „физическихъ примѣчаній“ является весьма интересною и заслуживаетъ вниманія. Что касается общаго характера всѣхъ правилъ и наставленій этого трактата Бецкаго о физическомъ воспитаніи, то онъ ясно выражается въ томъ же принципѣ простоты, близости къ природѣ и закаленія, который лежитъ въ основѣ аналогичныхъ наставленій Монтэня и Локка. „Не худо, говоритъ Бецкій, предъуготовлять помалу дѣтей ко всѣмъ чрезвычайнымъ случаямъ, дабы они все сносить могли, когда нужда ни потребуетъ..., и иному бы правилу не слѣдовали, какъ только тому, чтобы не имѣть никакого правила. Тотъ можетъ все сносить, кто ко всему пріученъ. Дѣтямъ должно привыкать къ перемѣнамъ, не дѣлая натурѣ принужденія. Она со временемъ на все преклонится. Симъ способомъ нечувствительно привыкнутъ къ трудамъ, побѣдятъ, наконецъ, все, къ чему они имѣли прежде отвращеніе, будутъ въ состояніи, когда нужда не востребуетъ, сносить голодъ, жажду, жаръ и стужу“ [1])... Не то же ли это самое, что говоритъ, какъ мы уже знаемъ, Монтэнь и что лежитъ въ основѣ всѣхъ частныхъ предписаній касательно физическаго воспитанія у Локка? На Локка, впрочемъ, часто прямо и ссылается Бецкій.

Это одна сторона въ педагогической системѣ Бецкаго. Въ самой тѣсной связи съ нею стоитъ другая—воспитаніе *физико-моральное*. Безъ моральнаго элемента, по его мнѣнію, само по себѣ физическое воспитаніе даже не заслуживаетъ еще и названія воспитанія: „безъ моральнаго оное бу-

[1]) См. Краткое наставленіе съ физич. прим., пр. 106, стр. 44.

детъ только питаніе или вскормленіе, а не воспитаніе“ [1]). Центромъ всѣхъ педагогическихъ воздѣйствій должна служить моральная область, сердце питомца. Поэтому моральное воспитаніе—главная часть въ педагогической системѣ Бецкаго. Но какъ бы посредствующимъ звеномъ между нимъ и воспитаніемъ физическимъ служитъ воспитательное вліяніе на ту же нравственную область непрямымъ, посредственнымъ путемъ и именно—путемъ пріученія питомца къ физическому труду. „Прежде нежели дойдемъ до объясненія одной душевной морали, писалъ Бецкій, надлежитъ сказать, что съ оною *физика* должна быть тѣсно связана и одна другой помогать“ [2]). Здоровье—результатъ правильнаго физическаго воспитанія—само по себѣ еще не представляетъ большой цѣнности: при лѣности и бездѣйствіи оно не спасаетъ человѣка ни отъ какихъ пороковъ. Итакъ, чтобы предупредить самую возможность появленія и развитія этихъ всегдашнихъ спутниковъ праздности, нужно не допустить саму праздность, а для этого съ дѣтства пріучить питомца къ труду: „къ мастерствамъ, къ рукодѣліямъ“, а также „ко всѣмъ домашнимъ и хозяйственнымъ... работамъ“, независимо отъ общественнаго положенія ихъ, потому что будущее неизвѣстно, и каждый человѣкъ долженъ быть готовъ ко всему. При этомъ нужно поставить дѣло такъ, чтобы такія работы доставляли дѣтямъ удовольствіе („ибо все то отвратительно, что отягощаетъ“) и были распланированы соотвѣтственно возрасту, силамъ и способностямъ дѣтей [3]). Мало того, нужно чѣмъ-нибудь наполнить и время, свободное отъ занятій, чтобы и тогда не давать дѣтямъ скучать и пребывать въ бездѣйствіи. Для этой цѣли дожны служить игры, которыя нужно предоставлять полной свободѣ дѣтей. Бецкій прекрасно понималъ важное пе-

---

[1]) См. „Предварительное объясненіе“ въ Собр. учрежд. и предп., стр. VIII.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, стр. IX.

дагогическое значеніе игръ, какъ средства развитія въ питомцахъ чувства дружбы, а также ловкости, проворства и вмѣстѣ съ тѣмъ дающаго возможность воспитателю проникнуть въ индивидуальный міръ дѣтей, понять характерныя особенности каждаго изъ нихъ [1]).

„Третья часть воспитанія есть *чистая мораль* или *нравоученіе*“, говоритъ Бецкій и дальше выясняетъ, какъ онъ понимаетъ эту главнѣйшую, центральную часть своей педагогической системы. Это не „школьная мораль“, не заученныя моральныя сентенціи, которыя, хорошо усвояемыя памятью, нисколько не вліяютъ въ то же время на поступки. Нѣтъ, это *прямое* воздѣйствіе на сердце питомцевъ, а не чрезъ посредство ихъ разума, ибо „не все то до сердца доходитъ, что разумъ понимаетъ“ [2]). Путь же къ этому сердцу прямой и вѣрный такой. Дѣтской душѣ свойственна та особая чуткость, нѣжность, вслѣдствіе которой въ ней легко напечатлѣвается все—и доброе и дурное, что только окружаетъ ее и приходитъ съ нею въ близкое соприкосновеніе. Поэтому самое вѣрное нравственно-воспитательное средство, это—соотвѣтствующая моральная среда, живые образцы высокихъ нравственныхъ качествъ, окружающіе питомца. Итакъ, должно „во-первыхъ, удалять отъ слуха и зрѣнія воспитанниковъ все то, что хотя тѣнь порока имѣетъ. ...Во-вторыхъ, какъ еще мало не знать порочнаго, а надлежитъ быть добродѣтельнымъ, полезнымъ и угоднымъ обществу; и какъ въ гибкихъ и чувствительныхъ сердцахъ юношества всякое дѣйствіе видимое сильно впечатлѣвается; то надлежитъ въ дѣтей обоего пола вкоренять живыми ихъ воспитателей и смотрителей *примѣрами* ...все то, что нужно для благонравія“... Вотъ въ этомъ—въ созданіи такой чи-

---

[1]) „О чемъ знать необходимо воспитателямъ, дабы предвидѣть, къ чему кого употребить должно“. Тамъ же, стр. XII.

[2]) Тамъ же, стр. XII—XIII.

стой отъ всего дурного и полной всего прекраснаго воспитательной среды—и заключается „самое труднѣйшее и важнѣйшее дѣло для составленія истиннаго благонравія; ибо безъ сего всѣ наставленія никуда не годятся“ [1])... „Все, принадлежащее къ воспитанію, должно имъ пріобрѣтать *слухомъ и зрѣніемъ*, то есть подражая добрымъ *примѣрамъ*, которые бы имъ побудительны были и привлекали ихъ къ себѣ каждый день и каждую минуту. Сіе подѣйствуетъ больше всѣхъ предписаній, и больше всѣхъ правилъ и увѣщаній“... Такимъ путемъ „въ дѣтяхъ заблаговременно вкоренится на вѣки привычка къ добрымъ дѣламъ, такъ-же, какъ обыкновенно привыкаютъ говорить на своемъ языкѣ“ [2]). Здѣсь невольно вспоминаются слова англійскаго философа-педагога, у котораго учился Бецкій и которому въ данномъ мѣстѣ своей системы слѣдовалъ слѣпо. „Изъ всѣхъ способовъ, которыми слѣдуетъ учить дѣтей и исправлять надлежащимъ образомъ ихъ поведеніе, писалъ Локкъ, самый простой, легкій и наиболѣе дѣйствительный—ставить предъ ихъ глазами *примѣры* того, что, по вашему мнѣнію, они должны дѣлать или чего надо имъ избѣгать; если на эти примѣры обращать ихъ вниманіе..., то это будетъ склонять къ подражанію... или отвращенію отъ нихъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ всякія... по этому поводу рѣчи“ [3]). Разница въ воззрѣніяхъ обоихъ лишь та, что Бецкій, еще болѣе чѣмъ Локкъ возвышая значеніе этого педагогическаго

---

[1]) Тамъ же, стр. XIII—XIV. Это „благонравіе“ опредѣляется здѣсь такими чертами: „чувствительность благодарности..., почтеніе къ начальникамъ; дружелюбіе, откровенность, благопріятность къ равнымъ; снисхожденіе и человѣколюбіе къ меньшимъ; бережливость, опрятность, чистота, угодливость, учтивость, терпѣніе, трудолюбіе и прочія добродѣтели, которыя въ жизни столько же необходимы, какъ и сама жизнь, и безъ чего никто не достоинъ носить имяни человѣка“.

[2]) Генерал. планъ, ч. III, гл. VIII, стр. 234. См. еще стр. 163, 200, 269–270.

[3]) Мысли о воспитаніи, § 22, стр. 82.

средства, въ то же время, въ противоположность своему учителю, считаетъ его не только не „легкимъ“, какъ говоритъ Локкъ, а напротивъ „самымъ труднымъ“. И онъ, конечно, совершенно правъ въ томъ отношеніи, что создать такое средство несравненно труднѣе, чѣмъ написать любую программу нравственныхъ правилъ съ наказаніями и наградами въ подкрѣпленіе къ нимъ. Для этого нужно, чтобы всѣ лица, приставленныя къ дѣтямъ въ роли воспитателей, въ своихъ качествахъ и во всемъ поведеніи своемъ дѣйствительно могли служить лишь положительными нравственными образцами. „Словомъ, буде начальники сего дома хотятъ, говоритъ Бецкій, чтобы дѣти научилися добродѣтели, должно имъ прежде всего *учителей и приставниковъ* учинить *добродѣтельными* и примѣра достойными“ [1])... „Когда хорошихъ приставниковъ не будетъ, то и добраго воспитанія въ дѣйствіе произвести мы не въ состояніи. При таковомъ недостаткѣ всѣ старанія наши безплодны, и все иждивеніе потеряно“ [2]). Но найти такихъ воспитателей задача далеко не легкая: „вся трудность состоитъ въ умѣніи выбрать воспитателей, наставниковъ и наблюдать, чтобъ оные не отвращалися ни на минуту отъ правилъ физическихъ и моральныхъ“... [3]). Такимъ образомъ Бецкій прекрасно понималъ вмѣстѣ съ значеніемъ и всю трудность этой стороны дѣла и потому подробно остановился на вопросѣ о воспитателяхъ, ихъ качествахъ и отношеніяхъ ихъ къ дѣтямъ.

Такъ, высокими идеальными чертами долженъ обладать, прежде всего, тотъ, кому ввѣряется интернатъ, кто управляетъ здѣсь всѣмъ и отвѣтственъ за все „какъ отецъ въ

---

[1]) Генер планъ, ч. III, гл. VIII, стр. 231.

[2]) Тамъ же, ч. II, гл. III, стр. 183.

[3]) Предварит. объясненіе, стр. XXVIII См. еще Генер. пл. ч. II, гл. I, стр. 163: „мы должны сколько возможно стараться, чтобы не ошибиться въ выборѣ *приставниковъ*, *учителей* и самыхъ *служителей* сего дома, но такихъ бы избирать людей, кои къ званію сему способны“.

домѣ“ [1]); это — „главный надзиратель“. Онъ „долженъ быть мужъ богобоязливый, честный и трудолюбивый“..., человѣкъ безъ предразсудковъ и своенравія, исполненный любви правды. Ученость отъ него не требуется, какъ и знатность происхожденія; но „потребенъ человѣкъ разумъ имѣющій, здравыя и достаточныя силы разсудка, сердце непорочное, мысли вольныя, нравъ къ раболѣпству непреклонный и не такое великодушіе, которое въ гордость и высокоуміе превращается; говорить долженъ, какъ думаетъ, а дѣлать, какъ говоритъ; отъ неправды и притворства при всякомъ случаѣ убѣгать, какъ отъ самыхъ мерскихъ дѣлъ“. Въ отношеніи къ подчиненнымъ онъ долженъ съ любовью и полною справедливостью, чуждою всякаго лицепріятія и ненависти, соединять умѣнье вліять главнымъ образомъ собственнымъ примѣромъ на исполненіе каждымъ изъ нихъ своихъ обязанностей. При такихъ высокихъ душевныхъ качествахъ и административныхъ способностяхъ, онъ долженъ обладать, конечно, тѣми знаніями, какія отъ него, по его положенію, особенно требуются: онъ долженъ быть „къ воспитанію дѣтей искусный, тако жъ знающій силу въ нужнѣйшихъ мастерствахъ, рукодѣліяхъ и домостроительствѣ“ [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 188.

[2]) Тамъ же, ч. I, гл. I и ч. II, гл. III, стр. 104, 185—186. Въ „Предварит. объясненіи“ мы читаемъ: „потребенъ здравый смыслъ, чувствительная совѣсть, душа прямая и въ честности твердая, воспламеняемая истиннымъ усердіемъ, коего не могли бы никогда потушить никакіе частные виды и никакое лицепріятіе. Паче всего священное имя отцевъ имъ торжественно данное... должны они поддерживать“... Стр. XXXI—XXXII. Такими же, въ общемъ, чертами изображаетъ Бецкій „главныхъ надъ воспитательными училищами *Директоровъ* и *Правителей*“ и въ своемъ „Генеральномъ учрежденіи“. См. стр. 9—10. Начертивъ идеалъ начальника „толь совершеннаго, какого только рѣдко сыскать можно“, Бецкій рекомендуетъ, если бы такой нашелся, „стараться удержать при домѣ во всю его жизнь“, для чего обставить его всѣми возможными средствами для облегченія его труднаго дѣла. Тамъ же, стр. 187.

Отъ ближайшей помощницы его—главной надзирательницы требуются „разсудительность и еще больше человѣколюбіе, дабы кротость и великодушіе были знакомъ добраго ея сердца“ [1]). При этомъ отмѣчается, что полное взаимное согласіе обоихъ этихъ главныхъ руководителей всего педагогическаго дѣла въ интернатѣ представляетъ также важное условіе успѣха его: „отъ общаго ихъ дружелюбія похвальное домостроительство учреждается“ [2]).

Не давая частнѣйшей характеристики каждаго изъ другихъ членовъ воспитательнаго персонала, Бецкій вообще предъявляетъ ко всѣмъ имъ высокія требованія и главнымъ образомъ—къ нравственной сторонѣ ихъ личности. Такъ, о помощникѣ главнаго надзирателя, непосредственно завѣдующемъ всѣмъ, что касается воспитанія, „Цензорѣ или наблюдателѣ воспитанія“, Бецкій говоритъ, что „выборъ сего начальника утверждается тѣми же превосходными качествами, какія и главному надзирателю потребны“, при чемъ и здѣсь прибавляетъ: „не тщетны узаконенія и успѣхъ сего заведенія не сомнителенъ, ежели они дружелюбіемъ, единодушіемъ, взаимными совѣтами, а наипаче достойными подражанія поступками приводятъ подчиненныхъ къ благонравію и къ должности“ [3]). Относительно низшихъ „приставниковъ“ тре-

---

[1]) Тамъ же, стр. 190. Тѣ же требованія предъявляются и къ воспитательницѣ въ коммерческомъ училищѣ, которая „поступать должна со всѣми благоразумно, съ кротостію, учтивствомъ и человѣколюбіемъ, наставляя самихъ питомцевъ со всякою ласковостію, терпѣніемъ и любовію“... Планъ коммерческаго воспитательнаго училища. Собр. учрежд. и предп. Т. I, стр. 389. Предусмотрительный Бецкій боится, что эти должности будутъ замѣщаться лишь по протекціи и потому считаетъ нужнымъ подчеркнуть свой взглядъ въ этомъ отношеніи: „При выборѣ въ главныя надзирательницы, говоритъ онъ, не смотрѣть ни на чины, ни на богатство и ни на какія отнюдь отъ сторонніхъ *рекомендаціи* (курсивъ подлинника). Хорошія только качества утверждаютъ ея выборъ“. Генер. планъ, ч. II, гл. III, стр. 190.

[2]) Тамъ же, стр. 189. Сравн. стр. XXXIV.

[3]) Тамъ же, стр. 191—192. Сравн. стр. XXXIII.

буется, чтобы „вступающихъ въ службу не опредѣлять въ настоящее званіе и чинъ, не испытавъ совершенно способности, поведенія и нрава во время пребыванія ихъ въ должности“... „Всемѣрно стараться познавать состояніе и способъ жизни каждаго приставника, дабы достойныхъ не отвергнуть и не возвысить недостойныхъ“. При этомъ въ необходимое требованіе по отношенію къ нимъ ставится, чтобы „были изъ россійскихъ. Можно ли, чтобъ сіи дѣти признавали иностранныхъ родителями своими и оказывали имъ, какъ долгъ велитъ, любовь и дружбу“ [1])?...

Отъ всѣхъ служащихъ въ воспитательныхъ домахъ, отъ главнаго надзирателя до приставниковъ, требуется, чтобы они были женаты, такъ какъ „женатые въ поручаемыхъ дѣлахъ исправнѣе и прилежнѣе, въ поступкахъ обходительнѣе и скромнѣе другихъ“. Наконецъ, всѣ должны руководиться въ своей дѣятельности данными имъ „обстоятельными и подписаннымп инструкціями“, причемъ „слѣдовать по онымъ не только преподавая науки, но наипаче во всѣхъ разговорахъ, въ учтивомъ и вѣжливомъ обращеніи съ учениками, и во всѣхъ поступкахъ до нравоученія касающихся“ [2]).

Поставивъ эти требованія свои касательно личныхъ качествъ воспитателей,—несомнѣнно, не вполнѣ обнимающія

---

[1]) Тамъ же, стр. 183 и 235. Впрочемъ, въ своихъ требованіяхъ относительно этихъ приставниковъ Бецкій боится заходить слишкомъ далеко. „Можетъ быть, пишетъ онъ, нужда велитъ намъ довольствоваться тѣмъ только, чтобы приставники не подвержены были хотя двумъ симъ мерзкимъ и въ простомъ народѣ толь сильно вкоренившимся порокамъ, а именно: *пьянству и праздности*. Счастливы будемъ еще, когда, избѣжавъ сея язвы, одарены будутъ хотя мало кротостію и *здравымъ разумомъ*, дабы по крайней мѣрѣ въ состояніи были слѣдовать письменнымъ инструкціямъ“. Генер. планъ, ч. III, гл. VIII, стр. 237. См. еще гл. III (стр. 219): „принуждены употреблять хотя такихъ, кои по крайней мѣрѣ не учили бы худымъ дѣламъ и не портили здоровья дѣтямъ“. Сравн. еще гл. XII (стр. 271).

[2]) Тамъ же, ч. III, гл. VIII, стр. 236. Сравн. „Продувѣдомленіе“ ко 2-й части Генерал. плана, стр. 84.

этотъ важный вопросъ, однако достаточно намѣчающія главную мысль педагога о первой важности нравственной стороны въ воспитателѣ,—Бецкій старается подробнѣе обрисовать и всю ту среду, ту атмосферу, которая, окружая своими вліяніями нѣжную душу ребенка, является самымъ могущественнымъ „*прямымъ*“ воспитательнымъ средствомъ. По мысли Бецкаго, это должна быть идеальная среда любви, ласки, свободы и радости.

„Неминуемо требуется, пишетъ онъ, чтобы дѣти обоего пола почитали и любили своихъ наставниковъ и наставницъ не инако, какъ совершенныхъ отцовъ и матерей. По тому жъ требуется и отъ нихъ взаимно, дабы съ искренностію и усердіемъ соотвѣтствовали имъ“ [1])... Итакъ, здѣсь должны водвориться между воспитателями и питомцами идеальныя отношенія семейныя. Воспитатели, эти отцы и матери, находятся при дѣтяхъ неотлучно. *Слуху* и *зрѣнію* послѣднихъ они постоянно представляютъ наглядные примѣры „добродѣтели, кротости, снисхожденія и любви“ [2]). „Не упуская никогда способнаго случая, они стараются наставлять ихъ въ праводушіи и честности: внимать всѣ разговоры и поступки ихъ, и во время ссоры между ними, изъяснять, сколь мерзки и нетерпимы пороки, злость и несправедливость: наипаче вкоренить въ нихъ привычку повиноваться и быть въ трудахъ“ [3])... Они же учатъ ихъ полной „учтивости и вѣжливости“, которую дѣти должны соблюдать „не только другъ передъ другомъ, но и предъ всякимъ человѣкомъ до послѣдняго въ домѣ“. А для того, чтобы такіе уроки достигли своей цѣли, всѣ воспитатели „сами должны

---

[1]) Генерал. планъ, ч. III, гл. VIII, стр. 232.

[2]) Тамъ же, стр. 234.

[3]) Тамъ же, стр. 238. „Двѣ сіи существенныя добродѣтели, прибавляетъ Бецкій, (т. е. повиновеніе и трудъ) составляютъ то намѣреніе, которое должны всѣ приставники памятовать во всѣхъ своихъ наставленіяхъ, во всѣхъ управленіяхъ и во всѣхъ увѣщаніяхъ“.

необходимо оказывать въ томъ собою примѣры для подражанія“ [1]). Ни въ чемъ не отказывая дѣтямъ, когда требованіе ахъ справедливо“ [2]), удовлетворяя естественной въ нихъ потребности движенія [3]), отвѣчая на всѣ вопросы, возникающіе въ ихъ дѣтскомъ пытливомъ умѣ, „благоразумно, основательно и съ ясностію, дѣтскому понятію приличною“ [4]), воспитатели должны стремиться вмѣстѣ съ тѣмъ сообразоваться и съ природными особенностями каждаго изъ дѣтей. Такъ, напр., „застѣнчиваго, робкаго и страшливаго ребенка надлежитъ всячески стараться ободрять ласковыми поступками, придавать ему смѣлость, пріучать благоразумно къ тѣмъ вещамъ, отъ которыхъ онъ имѣетъ отвращеніе. Безъ сей предосторожности онъ будетъ всегда унылъ и слабъ“ [5]).

---

[1]) Тамъ же, гл. IX, стр. 239. Эти примѣры гуманнаго и вѣжливаго отношенія старшихъ начальствующихъ къ младшимъ воспитателямъ—къ приставникамъ, по мысли Бецкаго, должны имѣть громадное воспитательное значеніе. Онъ рѣшительно предписываетъ „никогда не оказывать симъ мнимымъ отцамъ и матерямъ грубости, злобы или брани, и паче при дѣтяхъ. Хотя въ числѣ приставниковъ находятся и такіе, кои родились и воспитаны въ рабствѣ; однако же необходимость требуетъ, чтобы всѣ господа начальники поступали съ ними пріятно и ласково и съ учтивствомъ, дабы такое обхожденіе поверженный ихъ духъ возвышало... Можно совершенно повѣрить, прибавляетъ онъ, когда въ основаніе принято будетъ сіе о кротости предписаніе, безъ сомнѣнія привлечетъ оное ихъ самихъ съ любовью поступать съ питомцами такъ же, какъ начальники съ ними обходиться будутъ“. Стр. 232—233.

[2]) Кратк. наставл. съ нѣкотор. физич. примѣч., пр. 47, стр. 24.

[3]) Физич. примѣч., пр. 80, стр. 33—34. Генерал. планъ, ч. III, гл. IX, стр. 240.

[4]) Тамъ же, стр. 243.

[5]) Физич. примѣч., пр. 79, стр. 33. „Есть темпераменты или сложенія, пишетъ Бецкій, иные горячѣе, другіе холоднѣе; вотъ вся разность, съ которою натура производитъ людей. Умѣть первыхъ удерживать, другихъ поощрять—вотъ великое искусство воспитанія“. Предварит. объясн., стр. XVI. Въ частности, въ своихъ „Физическихъ примѣчаніяхъ“ онъ различаетъ четыре темперамента и, указывая признаки ихъ, даетъ педагогическія наставленія относительно каждаго изъ нихъ. Такъ, „сложеніе многокровнаго или сангвиника“ онъ считаетъ наилуч-

Въ общемъ, всѣ эти воспитательныя вліянія—путемъ примѣра и путемъ слова—отнюдь не должны быть въ тягость питомцамъ, не должны подавлять ихъ свободу и то жизнерадостное, веселое настроеніе, которое такъ присуще дѣтству и которое необходимо для правильнаго развитія его. „Содержать ихъ всегда въ такой *вольности*, требуетъ Бецкій, чтобъ они могли имѣть желаемую *веселость*, которая имъ нужна для здоровья и возраста". „Склонность, которую вселяетъ природа въ сіи блаженныя лѣта къ игрѣ и къ увеселенію, есть главное средство къ умноженію здоровья и къ укрѣпленію тѣлеснаго сложенія" [1]). „Надобно необходимо воспитателямъ и всѣмъ приставникамъ хранить въ сердцахъ питомцевъ своихъ веселость, вольныя дѣйствія души... Отвергнуть надлежитъ печаль и уныніе отъ всѣхъ живущихъ въ домѣ. Быть всегда веселу и довольну, пѣть и смѣяться есть прямой способъ къ произведенію людей здоровыхъ, добраго сердца и остраго ума. Сей образъ жизни и для нихъ и для всѣхъ, кои въ добрыхъ дѣлахъ обращаются, необходимо потребенъ" [2]). Итакъ, въ такой свободной, веселой, жизнерадостной атмосферѣ, окружающей питомцевъ, Бецкій видѣлъ необходимое условіе для правильнаго роста и развитія всѣхъ силъ дѣтей, не только физическихъ, но и умственныхъ и нравственныхъ.

шимъ, но—„ежели наблюдается въ немъ *посредство*, которое и надлежитъ сохранять въ дѣтяхъ съ немалымъ попеченіемъ". Дѣтей „флегматическаго сложенія" надлежитъ поощрять къ тѣлодвиженіямъ нѣсколько труднымъ, ибо они склонности къ тому не имѣютъ, удалять ихъ отъ покоя, которой имъ всего пріятнѣе". Наоборотъ, для „вспыльчиваго (холерика), такъ какъ такой человѣкъ добровольно бываетъ во всегдашнемъ упражненіи, праздность нужнѣе". Наконецъ, въ меланхоликѣ нужно „стараться всячески безъ принужденія... развеселять и разбивать задумчивыя его мысли, удалять его отъ людей печальныхъ, вывозить на увеселительныя позорища, а не на трагедію; всего же лучше быть ему въ путешествіяхъ". См. Физич. примѣч., пр. 111—115, стр. 46—50.

[1]) Тамъ же, пр. 42 и 75, стр. 23 и 31.

[2]) Генер. планъ. Ч. III, гл. IX, стр. 239—240.

Таковы тѣ педагогическія средства, на которыхъ созидаетъ Бецкій свое моральное воспитаніе. Но неужели въ этой сферѣ нравственнаго развитія ребенка, притомъ начинающагося очень рано, онъ думаетъ совершенно обойтись безъ того, что давнымъ давно вошло во всѣ педагогическіе кодексы, и безъ чего не обходились въ его время ни семья, ни школа, и не только въ Россіи, но и на западѣ? А общепринятая система воспитательныхъ воздѣйствій путемъ цѣлой схемы наказаній и наградъ? Горячій послѣдователь либеральныхъ воззрѣній Монтэня и Локка Бецкій вѣренъ имъ и въ этомъ вопросѣ, причемъ еще болѣе расширяетъ ихъ идеалы.

Вполнѣ сознавая то значеніе, какое по необходимости отводится наказанію въ современной системѣ воспитанія, при ея обычныхъ традиціонныхъ методахъ, Бецкій, рѣшая вопросъ принципіально, приходитъ къ выводамъ совершенно противоположнымъ и потому въ своей системѣ воспитанія „новой породы“ людей наказанію, въ его грубой формѣ, не даетъ мѣста. „Съ одной стороны, говоритъ онъ, когда разсмотримъ всѣ *обыкновенія*, видимъ, что безъ употребительныхъ наказаній обойтися не можно. Но съ другой, мнѣніе сіе отвергается, когда разсудимъ о естествѣ человѣческомъ, о животныхъ въ домахъ и о самыхъ лютыхъ звѣряхъ, когда воспоминаемъ чудныя дѣйствія, которыя въ людяхъ и въ тѣхъ животныхъ воспитаніе производитъ“ [1])... „Что до меня касается, то я совсѣмъ не согласуюсь съ мыслями тѣхъ, которые жестокости наказанія почитаютъ за наилучшій способъ къ исправленію. Въ опроверженіе того можно доказать вѣрнымъ примѣчаніемъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наказаній меньше, не въ примѣръ меньше оказывается и злодѣйствъ“. *Предупредить* преступленія всѣ обыкновенные кодексы законовъ и наказаній не въ силахъ [2]). Что касается,

[1]) Генер. планъ. Ч. III, гл. XI, стр. 260—261.

[2]) Предувѣдомленіе къ Генерал. плану, стр. 91. 261.

въ частности, дѣтскаго существа, то все развитіе его находится въ полной власти воспитателя, зависитъ только отъ того, куда и какъ направитъ его воспитатель. „Душевныя свойства дѣтей (въ первомъ возрастѣ ихъ) не развертсы и не испорчены“ [1]). Отъ воспитателей зависитъ, куда направить эту чистую „безъ всякаго примѣса воду“—на „прекрасные луга“ или „въ грязныя болота“. Но въ такомъ случаѣ и вся отвѣтственность за исходъ развитія дѣтской души падаетъ единственно на воспитателя: „его собственное будетъ преступленіе, когда надлежитъ душу очищать отъ грязи“. Итакъ, „одно *искусство воспитанія* отвращаетъ непреложно всякую варварскую необходимость въ наказаніяхъ; ибо нѣтъ врожденныхъ пороковъ и злодѣйствъ, но дурные примѣры ихъ внушаютъ“ [2]).

Отсюда естественно, что Бецкій совершенно изгоняетъ изъ своей системы наказанія тѣлесные. Они „крайне запрещаются и надъ самыми нижними служителями, дабы юношество не пріобучить къ суровости“ [3]). Примѣненіе же этого варварскаго средства къ дѣтямъ повело бы за собою самыя тягостныя послѣдствія во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому Бецкій съ особою настойчивостью узаконяетъ: „единожды навсегда ввести въ сей домъ *неподвижный законъ* и строго утвердить—никогда и ни за что не бить дѣтей, ибо не удары въ ужасъ приводятъ, но страхъ умножается въ нихъ отъ рѣдкости наказаній, что есть самое дѣйствительное средство къ ихъ исправленію; да и по физикѣ доказано, что бить дѣтей, грозить имъ и бранить, хотя и причины къ тому бываютъ, есть *существенное зло*. Кромѣ того, что сіе дѣ-

---

[1]) Генер. планъ, ч. II, гл. 1, стр. 163.

[2]) Предварит. объясненіе, стр. XV—XVI. „Ежели съ младенчества, говоритъ Бецкій въ другомъ мѣстѣ, поступать съ дѣтьми съ такимъ предусмотрѣніемъ и осторожностію, какъ узаконено: есть надежда, что наказанія будутъ весьма рѣдки и безполезны“. Генер. планъ, ч. III, гл. XI, стр. 262.

[3]) Тамъ же, ч. I, гл. V, стр. 133.

лаетъ перемѣну въ ихъ здоровьи, слѣдовательно и въ живости естественной, становятся чрезъ то *мстительны, притворны, обманщики, угрюмы* и *нечувствительны.* Сердца ихъ ожесточаются, въ нравахъ лишаются *кротости*, которая есть мать человѣчеству" [1]). Картина яркая, рѣшительная и совершенно опредѣленная. И эта идеальная горячая реплика, такимъ краснорѣчивымъ потокомъ вылившаяся прямо изъ сердца государственнаго человѣка, явилась въ Россіи, почти въ половинѣ XVIII-го вѣка, въ эпоху мрачнаго крѣпостничества, когда не только у насъ, но и на западѣ розга царила въ воспитаніи еще со всѣмъ своимъ могуществомъ...

Интересно при этомъ отмѣтить, что русскій педагогъ оказался гораздо идеальнѣе своего учителя — англичанина. Осуждая физическія наказанія, какъ мы видѣли, довольно рѣшительно, Локкъ, тѣмъ не менѣе, не отважился совершенно вычеркнуть ихъ изъ системы воспитанія. „Есть однако, говоритъ онъ, одинъ—и только одинъ—порокъ, за который, по моему мнѣнію, слѣдуетъ бить дѣтей; это—упрямство или сопротивленіе... Строптивость и упрямое непослушаніе надо исправлять силою и побоями, ибо противъ этого нѣтъ никакого другого лекарства" [2])... Къ этому одному,—но, какъ извѣстно, слишкомъ распространенному въ дѣтскомъ возрастѣ—пороку, Локкъ въ другомъ мѣстѣ присоединяетъ еще и ложь, по отношенію къ которой, какъ крайнюю мѣру, опять разрѣшаетъ примѣнять физическое наказаніе [3]). Въ общемъ, считая это средство „самымъ худшимъ и поэтому послѣднимъ", Локкъ все же допускаетъ его и даетъ даже

---

[1]) Тамъ же, ч. III, гл. XI, стр. 262—263. См. еще Физич. примѣч., пр. 88, стр. 37: „не упоминая, что отъ сего приходятъ дѣти въ посрамленіе и въ уныніе, вселяются въ нихъ подлость и мысли рабскія, приучиваются онѣ лгать, а иногда и къ большимъ обращаются порокамъ".

[2]) Локкъ, Мысли о воспитаніи, стр. 76, 77.

[3]) Тамъ же, стр. 151.

50439

нѣкоторые частнѣйшіе совѣты касательно примѣненія его [1]). Послѣ всего этого, столь гуманное, идеальное рѣшеніе вопроса со стороны Бецкаго заслуживаетъ особеннаго вниманія, и это тѣмъ болѣе, что свою систему онъ писалъ, главнымъ образомъ, для дѣтей низшихъ классовъ, „Мысли“ же Локка имѣли въ виду воспитаніе англійскаго джентльмена...

Однако и для Бецкаго естественно возникалъ вопросъ: какъ же быть въ тѣхъ низбѣжныхъ, конечно, случаяхъ, когда главное воспитательное средство въ его системѣ—примѣръ окажется недѣйственнымъ, и воспитателямъ придется имѣть дѣло съ дурными сторонами въ личности и поведеніи питомца? „Я знаю, говоритъ Бецкій, что несравненно легче воспитателю съ лозою въ рукахъ довести юношу до своихъ своенравныхъ поученій, которыя ему для того только угодны, что онъ имъ самъ учился“. Но въ добромъ, истинномъ воспитаніи преслѣдуется другая цѣль; другіе потому должны быть и средства. Именно, „должно сказать, что только разумно управляемое воспитаніемъ *чести желаніе*, котораго сѣмена врождены въ сердце каждаго человѣка, даетъ душѣ крылья, возносящія ее до того степени, до котораго достигнуть можетъ“. Выходя изъ этого Локковскаго положенія, Бецкій считаетъ, что „наказаніе однимъ *выговоромъ* или *осужденіемъ* несравненно дѣйствительнѣе всякихъ свирѣпостей, которыя, никогда не исправляя, только ожесточаютъ, приводятъ духъ въ застѣнчивость, въ робость, дѣлая подлыми, коварными, уничтожаютъ до чреды животныхъ и лиша-

---

[1]) Совѣты эти отчасти напоминаютъ педагогію отцовъ іезуитовъ. Напр.: „лучше, чтобы боль причинялась непосредственно рукою другого, а не родителей, хотя по ихъ приказанію и съ тѣмъ, чтобы они при этомъ присутствовали; такимъ образомъ, авторитетъ родителей будетъ сохраненъ, а негодованіе ребенка за боль, которую онъ вытерпѣлъ, обратится скорѣе противъ того лица, которымъ она непосредственно причинена ему“. Тамъ же, стр. 84. Нельзя сказать, чтобы этотъ странный совѣтъ отличался нравственною чистотою...

ютъ здравія и всѣхъ способностей“ [1]). Но и выговоръ нужно дѣлать въ формѣ мягкой, „безъ свирѣпства и злобы“ [2]). Такимъ образомъ, слѣдуя Локку, нашъ педагогъ возлагаетъ большія надежды на врожденное дѣтской душѣ чувство чести и стыда и потому порицаніе или пристыженіе является въ его системѣ важнымъ средствомъ исправленія проступковъ. Но кромѣ этого онъ диктуетъ еще цѣлый рядъ своихъ наказаній, располагая ихъ по степени ихъ серьезности [3]). На-

---

[1]) Предварит. объясненіе, стр. XIV—XV.

[2]) Физич. примѣч., пр. 52. Стр. 25. Бецкій приводитъ въ поучительный примѣръ такой кроткой мягкости матерей въ Китаѣ. „Тамъ не дѣлаетъ она тѣлеснаго наказанія своему сыну, когда онъ непослушенъ, сердитъ, упрямъ и проч.: но, приходя къ нему съ умильнымъ видомъ, а больше со слезами, „не бѣдная ли я мать, говоритъ ему, что имѣю такого сына, котораго столь много люблю и любить принуждена, а онъ оскорбляетъ меня ежечасно и досаждая, пронзаетъ мое сердце. Не бѣдная ли я и проч.“ Увѣщаніе сіе, заключаетъ Бецкій, хотя мыслямъ другихъ вовся противно, однакожъ толь сильно, что рѣдко сыскать можно въ свѣтѣ такъ благосклоннаго, обходительнаго и трудолюбиваго народа, какъ въ сей націи“. Генер. планъ, ч. III, гл. III, стр. 218. Приводимъ это мѣсто, какъ характерную иллюстрацію той высокой гуманности, особой, доходившей до сентиментальности душевной мягкости, какою отличался Бецкій.

[3]) „Легчайшимъ наказаніемъ служить можетъ: 1) заставлять ихъ одинъ или два часа, смотря по ихъ лѣтамъ, стоять на одномъ мѣстѣ, ни на что не опираясь, 2) не пускать съ другими гулять... 3) дѣлать выговоръ наединѣ, побуждая къ раскаянію, 4) пристыживать публичнымъ выговоромъ, 5) хлѣбъ и вода на 12 или на 24 часа сносны для возраста отъ 5 до 10 лѣтъ, 6) смотря по ихъ возрасту, заставлять и поститься, т. е. лишать завтрака, иногда и обѣда, но никогда не отнимать ужина“ (?). Генер. пл., ч. III, гл. XI, стр. 263. Сравн. ч. I, гл. V (стр. 134) и Физич. примѣч., пр. 89 (стр. 37). О такомъ серьезномъ проступкѣ, какъ воровство, Бецкій рекомендуетъ доводить до свѣдѣнія главныхъ начальниковъ заведенія, которые и налагаютъ наказаніе „по разсмотрѣнію при собраніи всѣхъ дѣтей“. Но въ чемъ именно должно состоять это наказаніе, мы не знаемъ. Упрямыхъ же и неисправимыхъ онъ требуетъ „отсылать въ надлежащія мѣста для опредѣленія въ солдаты или въ матросы, а женскій полъ лишать всѣхъ выгодъ, которыхъ бы онѣ въ случаѣ добропорядочныхъ своихъ поступокъ при выпускѣ своемъ надѣяться могли“ (стр. 134—135). Очевидно, здѣсь разумѣются питомцы только старшаго возраста, съ опредѣлившимся уже характеромъ. До этой же поры педагогія Бецкаго исключенія изъ заведенія нигдѣ не указываетъ, вѣроятно, надѣясь на возможность еще исправленія и самыхъ порочныхъ.

конецъ, онъ высказываетъ желаніе, чтобы въ руководство воспитателямъ напечатана была краткая система нравственныхъ правилъ для воспитанниковъ, съ обозначеніемъ противъ каждаго правила соотвѣтствующаго наказанія за нарушеніе его. Такая книга, по его мнѣнію, могла бы принесть въ дѣлѣ воспитанія громадную пользу. Обращаясь къ ней всякій разъ, когда нужно назначить наказаніе за проступокъ воспитанника, и при этомъ непремѣнно объясняя провинившемуся соотвѣтствующее предписаніе въ ней, воспитатели достигли бы того, что наказаніе всегда соединялось бы съ сознаніемъ его справедливости. Высокій законъ правды этимъ путемъ внѣдрялся бы уже въ дѣтскомъ возрастѣ [1]).

Остается, наконецъ, четвертая и послѣдняя часть системы Бецкаго; это—„*ученіе*“. „Вы удивитесь, быть можетъ, писалъ Локкъ, что я ставлю обученіе въ *концѣ*, особенно, когда я скажу вамъ, что придаю ему *самое малое значеніе*. Это можетъ показаться страннымъ въ устахъ книжнаго человѣка, и тѣмъ болѣе имѣетъ видъ парадокса, что ученье признается главнымъ, если не единственно важнымъ для дѣтей занятіемъ, и что почти его одно имѣютъ люди въ виду, когда говорятъ о воспитаніи... Читать и писать и пріобрѣтать свои свѣдѣнія въ наукахъ необходимо, я соглашаюсь съ этимъ, но не въ томъ главная задача. Я полагаю, что вы признали бы очень глупымъ человѣкомъ того, кто не цѣнилъ бы добродѣтельнаго или мудраго мужа гораздо выше, чѣмъ великаго ученаго... Обученіе должно имѣть мѣсто, но стоять на второмъ планѣ, только какъ пособникъ болѣе важнымъ качествамъ“...[2]). Эти

---

[1]) См. Генер. планъ, ч. III, гл. XI, стр. 263—265. О „похвалахъ и награжденіяхъ свойственныхъ и безпристрастныхъ“ Бецкій дѣлаетъ въ Предварительномъ объясненіи лишь одно упоминаніе (стр. XIV), не входя въ детальный анализъ вопроса. Въ планѣ же коммерческаго училища въ главѣ „о награжденіи“ ведется рѣчь о публичныхъ наградахъ послѣ экзаменовъ, за успѣхи въ ученіи. См. стр. 396—397.

[2]) Мысли о воспитаніи, § 147, стр. 169—107.

слова главнаго педагогическаго ментора Бецкаго невольно прихотятъ на память, какъ только мы вступаемъ въ область воззрѣній нашего педагога на обученіе. И у Бецкаго, какъ и у Локка, это вопросъ второстепенный, послѣдній. И естественно: создать „новое порожденіе“ наша государственная педагогія, какъ мы знаемъ, мечтала путемъ воспитанія, а не обученія: не придавая высокой цѣны разуму, хотя-бы онъ былъ даже „украшенъ и просвѣщенъ науками“, она всю надежду возлагаетъ на непосредственные, прямые пути воздѣйствія на сердце питомца, въ помощь которымъ ставитъ правильный уходъ за тѣломъ его. И только. Поэтому, послѣ своей „физики“ и „морали“ Бецкій почти что уже ставитъ точку всей своей системѣ, когда говоритъ: „есть ли такимъ образомъ физическое и моральное воспитаніе совершенно исполнится, тогда только могутъ быть люди, какихъ желаетъ для пользы отечества Генеральное учрежденіе и намѣренія Плана, запечатлѣнныя волею благотворящей души Екатерины Второй“ [1]). Итакъ, все дѣло въ моральномъ и физическомъ воспитаніи. А развитіе интеллектуальное — путемъ обученія? Когда указано и сдѣлано главное, можно дать предписанія и относительно второстепеннаго — тѣмъ болѣе, что совершенно обойти этотъ вопросъ, конечно, нельзя было. И вотъ Бецкій даетъ свои предписанія и касательно обученія.

Прежде всего, выходя изъ того положенія, что разумъ „есть ли умѣютъ давать ему свободу самому дѣйствовать, летитъ на крыльяхъ, когда же налагаютъ на него бремя педантической методы, то едва двигаясь ползаетъ“ [2]), Бецкій требуетъ, чтобы и въ обученіи его питомцевъ руководящими началами были свобода, легкость, естественность, любовь, а отнюдь не принужденіе, насиліе. „Склонность и охота“ должны играть здѣсь первую роль: „всякое противъ природы и склон-

---

[1]) Предварит. объясн., стр. XVII.

[2]) Тамъ же, стр. XIX.

ности отягощеніе, вмѣсто того, чтобы изощрять, притупляетъ чувства. Надлежитъ или отречись отъ воспитанія, или дѣтей вести, такъ сказать, играя и съ пріятностію“ [1]). Нужно „приводить дѣтей къ ученію подобно, какъ въ пріятное и украшенное цвѣтами поле“... А сдѣлать это можно только пробудивъ въ нихъ любовь къ ученью. „Чтобъ дѣти съ веселіемъ исполняли свою должность, надлежитъ стараться всемѣрно вперить въ нихъ любовь къ ученію такъ, чтобъ оное награжденіемъ себѣ почитали“ [2]). Важнымъ условіемъ для этого является и необремененіе учебнымъ матерьяломъ, ученье „безъ утомленія юношества, которое, чувствуя обремененіе, теряетъ и врожденное“ [3]). Впрочемъ, помимо этого „неумѣренное ученіе вредно и здоровью“. „Питомцевъ при нѣжномъ ихъ возрастѣ назначиваніемъ уроковъ принуждаютъ сидѣть по два и по три часа по утру и столько же послѣ обѣда. Насильное сіе положеніе тѣла, угнетаемое еще страхомъ и должностію оказывать почтеніе предсидящимъ учителямъ и начальникамъ, истощаетъ, наконецъ, силы и дѣлаетъ ихъ разслабленными“ [4]). Уже одно это должно удержать воспитателей предъявлять широкія требованія къ обученію и, что особенно неразумно, торопиться съ нимъ. „Не должно тревожиться, видя умы не скоро зрѣющіе, а желать надобно, чтобъ дѣти имѣли только здравый разумъ и доброе сердце, о чемъ паче всего прилагать должно стараніе“ [5]).

---

[1]) Тамъ же. Сравн. Генер. учрежд., стр. 8.

[2]) Физич. примѣч., пр. 84 и 85, стр. 36.

[3]) Предварит. объясн., стр. XVIII.

[4]) Генер. планъ, ч. III, гл. IX. Стр. 240.

[5]) Физич. примѣч., пр. 86, стр. 36. „Лучше стараться такое произвести *воспитаніе*, чтобъ полезные отъ учителей примѣры назидали разумъ и сердце питомцамъ; нежели предпринимать *просвѣщеніе* ихъ больше того, чего требуетъ званіе, къ которому назначаются“. Генер. планъ, ч. III, гл. XI, стр. 269. Правда, это писалось въ руководство Воспитательному для приносныхъ дѣтей Дому. Но такимъ же точно характеромъ проникнуты и всѣ другіе уставы и планы Бецкаго.

Но какихъ же знаній можно было требовать, какую программу наукъ предъявить при такомъ принципіальномъ взглядѣ на обученіе, какъ на дѣло второстепенное, а иногда даже и вредное? Вполнѣ послѣдовательный въ своемъ „Генеральномъ планѣ воспитательнаго дома", Бецкій въ обученіи этихъ „приносныхъ" дѣтей ограничивается элементарными знаніями и умѣньями изъ тѣхъ областей, которыя считаетъ наиболѣе необходимыми или полезными въ жизни. Въ своемъ „показаніи, чему учиться питомцамъ обоего пола" онъ опредѣляетъ: 1) „познаніе вѣры, рисовать, читать, писать, ариѳметики, географіи, искусство вести счетныя книги, правило гражданской жизни, управляемой законами отечества; 2) мануфактуры, фабрики, коммерціи, садовничество и прочія искусства, до экономіи принадлежащія, изящныя художества тѣмъ, кои къ сему способны, рукодѣлія, женскому полу принадлежащія" [1]). Названій получается много, но изъ дальнѣйшихъ объясненій Бецкаго мы видимъ, что все это должно было держаться именно въ самыхъ элементарныхъ границахъ [2]). Впрочемъ, программа была не для всѣхъ одинакова: особыя дарованія умственныя или спеціальныя способности въ области искусствъ должны были найти покровительство для себя и средства для болѣе широкаго развитія [3]). Поэтому, соотвѣтственно своимъ дарованіямъ, питомцы должны быть раздѣлены „на три разбора дѣтей, а именно: первому состоять изъ тѣхъ, которые очевидно могутъ отличиться въ наукахъ и художествахъ [4]); второму, и который, конечно, величайшее

---

[1]) Генер. пл. ч. Ш, гл. Ш, стр. 214—215. Сравн. Предварит. объясн., стр. XX—XXII. Здѣсь программа обученія выражена въ шести положеніяхъ: 1) „о языкахъ (русскій и славянскій), 2) ариѳметика, 3) географія, 4) рисовать, 5) домоводству и садоводству и 6) закону христіянскому".

[2]) См., напр., указанія его относительно обученія вѣрѣ, ариѳметикѣ, географіи и пр Тамъ же, гл. Ш, IV, V и VII, стр. 215—224. 229—232.

[3]) См. Предварит. объясненіе, стр. XXII—XXIII.

[4]) Такихъ рекомендуется посылать въ назначенное время въ Академіи Наукъ и Художествъ. Тамъ же, стр. XXII.

число въ себѣ заключаетъ, изъ опредѣленныхъ быть ремесленниками и рукодѣльниками; а третьему, коихъ понятія тупы, изъ простыхъ работниковъ“ [1]). Что касается другихъ интернатовъ, то тамъ образовательныя программы намѣчены уже значительно шире, большею частью въ соотвѣтствіи со спеціальными задачами того или другого учебно-воспитательнаго заведенія. Такъ расширена, напр., программа коммерческаго училища главнымъ образомъ въ сферѣ математики, географіи и исторіи [2]). Въ программу воспитанія благородныхъ дѣвицъ рядомъ съ предметами общаго образованія (какъ законъ Божій, мораль, словесныя науки съ чтеніемъ правоучительныхъ книгъ, ариѳметика, географія, исторія) и эстетическаго (какъ рисованіе, вокальная и инструментальная музыка, танцы и различныя рукодѣлія) также попали архитектура и геральдика. Въ уставъ же обновленнаго сухопутнаго кадетскаго корпуса, этого интерната для приготовленія дворянскихъ дѣтей ко всѣмъ служебнымъ поприщамъ военнымъ и гражданскимъ, Бецкому, соотвѣтственно такимъ широкимъ задачамъ заведенія, пришлось внести очень длинный списокъ наукъ и искусствъ (больше тридцати) [3]).

Просматривая эти широкообразовательные планы, куда вошли и логика и физика общая и особенная, и астрономія, и исторія съ хронологіей, и математика, и языки, не только употребительные, но и для наукъ потребные, и исторія натуральная, и право естественное, всенародное и государственное, и экономія государственная и мног. др., естественно спросить: неужели и вся эта премудрость, по разсчетамъ

---

[1]) Тамъ же, стр. XXIII. Сравн. Предъувѣдомленіе къ Генер. плану (стр. 88), Генер. планъ, ч. I, гл. II (стр. 117—118); ч. III, гл. XIV (стр. 279—280).

[2]) См. Планъ коммерч. училища, гл. VIII, стр. 391—396.

[3]) Здѣсь есть и „руководящія къ познанію прочихъ наукъ“, и „предпочтительно нужныя гражданскому званію“, и просто „полезныя“ и, наконецъ, „искусства“ или „художества“ до изваянія включительно. См. Педагогическія сочиненія В. Я. Стоюнина. СПБ. 1892, стр. 157, прим. 4.

Бецкаго, могла быть усвоена также „играя и съ пріятностію“, безъ всякаго „отягощенія“, безъ скучнаго и вреднаго для здоровья сидѣнья за уроками? Какими же методами и какими облегчающими средствами обставить ее, чтобы удержаться и здѣсь на высотѣ того же принципа? На первый изъ этихъ вопросовъ нашъ педагогъ, повидимому, склоненъ былъ дать отвѣтъ только утвердительный. И для кадетъ, какъ и для „приносныхъ“ дѣтей Московскаго Воспитательнаго Дома, онъ рекомендуетъ одинъ и тотъ же методъ—любви, ласки, свободнаго легкаго обученія путемъ главнымъ образомъ разговоровъ и разсужденій, безъ напряженія мысли, безъ заучиванія наизусть, безъ тѣни педантизма. „Если учители, пишетъ онъ, будутъ поступать съ благоразсужденіемъ и наставлять питомцевъ своихъ съ любовью и ласкою, если учить ихъ станутъ больше разговорами и разсужденіями, нежели заставляя сидѣть безпрерывно надъ урокомъ въ принужденномъ и здоровью ихъ вредительномъ наклоненіи..., то юношество *окажетъ великіе во всемъ успѣхи*, чего только отъ возраста его требовать можно... Все зависитъ отъ удачнаго выбора начальниковъ и учителей... Педантизмъ есть сущая пагуба воспитанію юношества вообще, а благороднаго особливо. Если должно выбирать изъ двухъ золъ меньшее, то лучше взять учителя нѣкоторымъ недостаткамъ подверженнаго, нежели педанта, ученіемъ своимъ надутаго и во всемъ поведеніи столь же нестерпимаго, сколь смѣху достойнаго“ [1])... Итакъ, и здѣсь, при широкой учебной программѣ, Бецкій, какъ видимъ, остается вполнѣ вѣренъ своему принципу, но конечно только потому, что совершенно не входитъ въ разсмотрѣніе тѣхъ путей и способовъ, какими этотъ принципъ можно было бы хоть до нѣкоторой степени провести на практикѣ. Учить всему нужно безъ принужденія, легко, съ пріятностію для учащихся, соотвѣственно ихъ природнымъ склонностямъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 150.

методомъ живымъ, реальнымъ („разговорами и разсужденіями"), а не сухимъ школьнымъ, теоретическимъ—вотъ все, что говоритъ Бецкій. Никакихъ иллюстрацій, никакой методики, никакихъ хотя бы ссылокъ на полезныя руководства, никакихъ собственныхъ частнѣйшихъ руководящихъ указаній на этотъ счетъ не даетъ онъ, возлагая все на идеальныхъ, „удачно выбранныхъ" учителей и начальниковъ. Но какіе же, спрашивается, результаты могло дать такое обученіе?

Такъ какъ этотъ вопросъ стоитъ въ тѣсной связи съ оцѣнкой всей системы Бецкаго, то, познакомившись съ нею уже въ достаточной степени, оглянемся назадъ и постараемся ориентироваться въ ней.

Предъ нами цѣльная педагогическая система, чрезвычайно интересная и по своей конечной цѣли и по всему построенію. Вся она отъ начала и до конца можетъ показаться скорѣе какою-то волшебною сказкой, очаровательной мечтой, чѣмъ дѣйствительнымъ фактомъ, заключеннымъ въ реальныя границы пространства и времени. Въ самомъ дѣлѣ: не мечта ли это—создать въ землѣ русской во второй половинѣ XVIII вѣка особое „новое порожденіе", совершенно новую идеальную породу людей путемъ особаго, еще невиданнаго здѣсь воспитанія! Не похожа ли на фантастическую мечту уже сама по себѣ одна эта идея? Но такимъ же характеромъ отличаются и всѣ тѣ формы, въ какія облечена она.

Устрояется особый дѣтскій питомникъ, ограждается непроницаемою стѣною отъ семьи, общества, отъ всего остального міра Божьяго и наполняется чистыми, еще невѣдущими зла дѣтскими существами. Здѣсь они растутъ и крѣпнутъ прежде всего физически, среди здоровыхъ вліяній воздуха, правильнаго питанія, движенія, отдыха, сна и проч. Но вмѣстѣ съ тѣломъ ихъ зрѣетъ и духъ, развивается нравственно—среди полезныхъ занятій и веселыхъ игръ не зная праздности, не вѣдая ничего дурного и постоянно созерцая

только доброе. Все вокругъ него, вся атмосфера въ этой волшебной дѣтской оранжереѣ пропитаны чуднымъ ароматомъ добродѣтелей; онъ живою струею вливается въ нѣжное дѣтское сердце, наполняя его горячею любовью къ родителямъ, ко всѣмъ людямъ, ко всему міру. А вмѣстѣ съ этимъ „изящнымъ“ сердцемъ постепенно, но не спѣшно образуется и столь же „изящный“ умъ, усвояя полезныя, нужныя въ жизни науки и художества, пріобрѣтая ихъ легко и свободно, по склонности и охотѣ, безъ всякаго отягощенія, какъ бы за пріятною игрою. И вотъ, проходятъ годы, наступаетъ пора, двери питомника раскрываются и изъ него выходятъ въ русское государство „сограждане почтенные, подданные Государю вѣрные, сыны Отечеству полезные“. Здѣсь будущіе „хранящіе истину судьи, остроумные министры, славные герои, вѣрные друзья и сыны прямо любящіе отечество свое“; здѣсь же и будущія „хорошія жены, почтительныя матери, рачительныя хозяйки“ [1]). Все это новые въ Россіи, идеальные люди.

Что это, какъ не милая сказка—прекрасная, чарующая, манящая своими образами въ какое-то далекое, невѣдомое, волшебное „нѣкорое царство—нѣкоторое государство“, но, какъ и всякая сказка, плѣняющая насъ лишь до тѣхъ поръ, пока мы читаемъ или слушаемъ ее. Кончился разсказъ, и вмѣстѣ съ первыми яркими лучами холоднаго здраваго смысла, прорѣзавшими туманную область фантазіи, всѣ волшебные образы ея исчезли. И намъ жаль бываетъ, что это только сказка, очень жаль, что очарованіе окончилось... Почти то же самое испытываемъ мы и сейчасъ, переходя отъ идеальной мечтательной системы Бецкаго къ анализу дѣйствительнаго реальнаго значенія ея.

Общею характерною чертою ея является крайняя *искусственность* всѣхъ ея построеній.

---

[1]) Журналъ М. Н. Пр. 1853. Ч. LXXVII, стр. 23 и 33.

Бецкій много говоритъ о естественности, свободѣ развитія дѣтскихъ силъ и, въ то же время, начинаетъ прямо съ насилія по отношенію къ лучшимъ и самымъ естественнымъ чувствамъ дѣтской души—къ любви и привязанности дѣтей къ своимъ родителямъ, ко всему своему родному гнѣзду. Въ раннемъ нѣжномъ возрастѣ онъ отрываетъ дѣтское существо отъ того могучаго источника тепла и жизни, какой представляетъ для него родная семья, и думаетъ замѣнить его своимъ фантастическимъ, искусственнымъ питомникомъ. Но возможно ли это? Какъ бы ни былъ хорошъ интернатъ, при самой идеальной обстановкѣ его, никогда не замѣнить ему *вполнѣ* даже и самой убогой родной семьи, какъ ничѣмъ и никѣмъ нельзя подмѣнить родной матери. Между тѣмъ какими педагогическими силами могъ располагать Бецкій въ Россіи во второй половинѣ XVIII-го вѣка?

Лелѣя свою мечту о „новой породѣ“, онъ стремится совершенно изолировать своихъ питомцевъ отъ всякаго вліянія „стараго порожденія“, преграждая послѣднему на цѣлые пятнадцать лѣтъ всякій доступъ къ нимъ. Но откуда же могъ взять онъ тѣхъ педагоговъ, тѣхъ идеальныхъ искусственныхъ отцовъ и матерей, какими хотѣлъ замѣнить естественныхъ? По необходимости приходилось обращаться къ тому же старому порожденію, въ немъ искать и „главныхъ надзирателей“, и „надзирательницъ“, и „ценсоровъ воспитанія“, и учителей и „приставниковъ“. Неудивительно, что Бецкій, при всей склонности своей уноситься въ область фантазіи, въ этомъ пунктѣ, по необходимости становясь лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, самъ сознавалъ всю трудность своего предпріятія. Послѣ широкихъ идеальныхъ запросовъ къ личнымъ качествамъ воспитателей, онъ самъ же боится, что нигдѣ не найдетъ таковыхъ, и потому спѣшитъ ограничить свои требованія до minimum'а: отсутствіе хотя бы грубыхъ пороковъ, нѣкоторая доля кротости и здраваго смысла, позволяющаго понимать данныя инструкціи и

точно выполнять ихъ—вотъ уже все, что въ концѣ концовъ считалъ еще возможнымъ Бецкій предъявить къ воспитателямъ въ своихъ интернатахъ. Дѣйствительность же не оправдала даже и этихъ слишкомъ скромныхъ желаній...

Итакъ, питомникамъ Бецкаго недоставало, какъ видимъ, того, въ чемъ самъ онъ полагалъ всю силу ихъ, и безъ чего они теряли, по его же словамъ, всякое значеніе. Красивая, заманчивая идея создать „новую породу“, въ сущности, висѣла въ воздухѣ; подъ нею не было и не могло быть, особенно въ то время и въ Россіи, никакой твердой почвы, никакихъ средствъ для ея осуществленія. Мечта могла держаться лишь въ области фантазіи и должна была растаять съ первымъ прикосновеніемъ къ русской дѣйствительной жизни.

Но не будемъ такъ скоро разочаровываться; допустимъ невозможное,—что нашлись къ услугамъ Бецкаго идеальныя педагогическія силы, что искусственные отцы и матери, наполнившіе его педагогическія теплицы, оказались вполнѣ на высотѣ своего призванія. Какіе результаты должны были получиться? Далеко неутѣшительные во всѣхъ отношеніяхъ. Ложь и фальшь, подмѣна живой дѣйствительности обстановкой искусственной должны повести къ такой же фальшивой искусственности и все воспитательное дѣло.

Центромъ вниманія этой педагогіи ставится область моральная, сердце питомцевъ. Но какія здоровыя чувства могла воспитать она въ этомъ сердцѣ, не ставя предъ нимъ дѣйстительныхъ объектовъ, вырывая его изъ родной среды и окружая искусственной обстановкой? Первое естественное нравственное чувство, первый параграфъ и въ этикѣ Бецкаго это—любовь дѣтей къ своимъ роднымъ и близкимъ. Но гдѣ они—эти родные, близкіе сердцу—для кадета Васильевскаго острова или для узницы Смольнаго монастыря? Многолѣтній педагогическій плѣнъ совершенно стиралъ въ дѣтской душѣ

всѣ черты ихъ, и они „превращались въ печальныя тѣни, бродящія гдѣ-то въ полузабытой глуши Щигровскаго или Мокшанскаго уѣзда“ [1]). Самое большее, что могло получиться, въ области сердца, при безпочвенности и искусственности объектовъ развитія его, это—особая спеціальная нѣжность его, способность уноситься въ область безпочвенной, сентементальной любви къ несуществующимъ идеальнымъ объектамъ и разочаровываться при первомъ прикосновеніи къ дѣйствительности. Неестественное, болѣзненное, такое чувство не можетъ быть здоровымъ стимуломъ для воли и вести къ энергичной дѣятельности для достиженія высокихъ нравственныхъ идеаловъ. Впрочемъ, можно ли и говорить о сильной волѣ и энергичной дѣятельности тамъ, гдѣ все основывалось на одной системѣ пассивнаго подражанія, слѣпой аккоммодаціи.

Поставивъ своею задачею—„самымъ дѣломъ, слышаніемъ и видѣніемъ“ привесть своихъ питомцевъ къ добродѣтели, вліяя на нихъ прямымъ путемъ живыхъ наглядныхъ примѣровъ, эта педагогія, очевидно, слишкомъ ужъ много возлагала на несознательное, интуитивное воспріятіе дѣтскою душею этихъ вліяній окружающей среды. Не говоря уже о томъ, что она совершенно ошибалась въ надеждахъ образовать такую среду, не имѣла никакихъ основаній для этихъ надеждъ, даже помимо этого, и самый принципъ, при *одностороннемъ* пользованіи имъ, неизбѣжно долженъ привесть къ результатамъ сомнительной цѣнности. Въ лучшемъ случаѣ, т. е. при наличности всѣхъ данныхъ, здѣсь можно расчитывать только на безсознательное пріобрѣтеніе добрыхъ навыковъ и расположеній; но и только. Ни твердыхъ нравственныхъ убѣжденій, ни сильной нравственной воли мы не въ правѣ ожидать тамъ, гдѣ дѣйствуетъ исключительно только одинъ этотъ факторъ. Наоборотъ, такимъ путемъ вырабатывается лишь

[1]) Русская Мысль, 1893 г., кн. III, стр. 96.

нравственная податливость, привычная нравственная эластичность, склонность приспособляться къ окружающей средѣ— черта далеко не положительная. Безъ твердыхъ убѣжденій, самые нравственные навыки, какъ бы часто ни практиковались они, не могутъ быть устойчивы и вообще теряютъ свою нравственную цѣну. Для пріобрѣтенія крѣпости ихъ и истинной нравственной цѣнности необходимо, чтобы рядомъ съ такою пассивною жизнью нравственной сферы параллельно шла освѣщающая ее полнымъ свѣтомъ сознательности работа мысли и испытывающая ее самодѣятельность. Между тѣмъ ни того, ни другого въ этихъ питомникахъ не было.

Бецкій не представлялъ себѣ того глубокаго значенія, какое принадлежитъ въ области моральнаго воспитанія надлежащему развитію интеллектуальныхъ силъ питомца. Поэтому онъ такъ легко и отнесся къ важному вопросу объ обученіи, отодвинувъ его въ своей системѣ на самый задній планъ. Результаты обученія по его „реальному методу“ должны были получиться самые печальные: изъ обширной программы наукъ кадетскаго корпуса могли усвояться лишь жалкіе обрывки кой-какихъ свѣдѣній. Но безъ надлежащаго развитія умственнаго въ жалкомъ положеніи оказалась и та область сердца, которою такъ дорожилъ нашъ педагогъ. Лишенная свѣта, сознательнаго критерія, разумной опоры, она легко всецѣло выливалась въ тотъ болѣзненный сентиментализмъ, къ которому приводила и вся искусственная атмосфера этихъ интернатовъ. На самостоятельность же, на самостоятельные опыты усвоенія и развитія въ себѣ собственными силами высокихъ нравственныхъ идей и стремленій здѣсь, конечно, еще меньше можно было разсчитывать: для этого нужна *жизнь*, простая, естественная, какъ она есть, а не тѣ удивительныя „говорящія стѣны“ и „ходячія инструкціи“, которыми окружены были узники Бецкаго.

Итакъ, что же должно было получиться въ результатѣ этого новаго, до того времени невиданнаго у насъ воспита-

нія? Какую „новую породу“ могли создать эти педагогическія теплицы, такъ тщательно и съ такими надеждами устроенныя среди дебрей русскаго сѣвера? Оправдались ли идеальныя надежды? Могло ли это „новое порожденіе“ выступить на борьбу съ мракомъ невѣжества, съ вѣковыми предразсудками, съ нравственною грубостью, со всѣми тѣми неприглядными явленіями, какими полна была русская жизнь и съ которыми ему неизбѣжно приходилось столкнуться при первомъ же вступленіи въ нее? Способны ли были эти тепличныя созданія вынесть на своихъ нѣжныхъ плечахъ эту трудную борьбу и проложить свои новыя русла для здоровой и полезной русской жизни? Увы! для этого у нихъ не было ни силъ, ни достаточныхъ знаній, ни твердыхъ убѣжденій, ни стойкой энергичной воли, ни даже здороваго нравственнаго чувства. По своей многолѣтней привычкѣ пассивно отдаваться окружающимъ вліяніямъ, они едва-ли способны даже были критически отнестись къ той жизни, которая сразу захлестнула ихъ своею могучею волною, и даже полное невѣдѣніе зла, на которое такъ разсчитывалъ Бецкій, нисколько не гарантировало ихъ отъ увлеченія первымъ же соблазнительнымъ примѣромъ...

Такъ разбиваются эти красивыя педагогическія иллюзіи. Отъ волшебной сказки,—создавшейся подъ вліяніемъ заманчивыхъ идей запада, слишкомъ быстро пересаженныхъ въ совершенно чуждую имъ русскую почву, подогрѣтыхъ здѣсь горячимъ идеализмомъ русскаго сердца и потому получившихъ еще болѣе своеобразныя конкретныя формы,—даже при бѣгломъ критическомъ анализѣ ея, не остается и слѣда.

Но намъ все еще жаль, что это только мечта, и мы не хотимъ совершенно разстаться съ нею. И это естественно: здѣсь такъ много высокаго, истинно прекраснаго, съ чѣмъ разстаться было бы не только тягостно, но и прямо несправедливо. Далеко не все здѣсь окутано дымкой несбыточнаго идеализма. За многое мы должны быть благодарны этой пе-

дагогіи, идеи которой, въ общемъ—не согласованныя съ историческою русскою дѣйствительностью и не вездѣ вѣрныя и по своему существу, во многихъ отдѣльныхъ чертахъ своихъ заслуживаютъ глубокаго преклоненія. Помимо общей высокой филантропической тенденціи, лежащей въ основѣ такихъ педагогическихъ предпріятій императрицы и Бецкаго, какъ воспитательные дома, помимо идеальной защиты правъ женскаго образованія и перваго насажденія его въ Россіи, очень многое въ этой государственной педагогіи заслуживаетъ вниманія и самой благодарной памяти и въ наши дни. Эта вѣра въ дѣтское существо, въ его добрыя силы, горячая любовь къ нему, боязнь нарушить невозвратное дѣтское счастье и потому стремленіе сохранить дѣтству возможно больше жизнерадостнаго чувства, естественной свободы, безмятежнаго веселья, полное исключеніе изъ системы воспитательныхъ воздѣйствій всего грубаго, оскорбляющаго человѣческое достоинство, желаніе внести возможно больше свободы, легкости и въ сферу обученія, которая въ то время была особенно тягостною, высокія требованія къ личности воспитателя и учителя—все это дорогія истины, давно уже золотыми буквами записанныя въ педагогическихъ кодексахъ всего культурнаго міра. И если, благодаря особой отзывчивости ко всему передовому Великой русской царицы и достойнаго ея сотрудника, идеи эти проникли къ намъ уже въ XVIII вѣкѣ и дали толчокъ русской мысли, возбудивъ и въ ней интересъ къ вопросамъ воспитанія,—то уже за одно это исторія должна быть глубоко признательна высокимъ педагогамъ нашимъ.

Цѣна 30 коп.

Книжный магазин № 2
№ 9336
Р. 2 К.

2

9336